

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

Лучи смерти

Происшествия из службы сыщика Алексея Лыкова и его друзей

Сыщик Его Величества

Николай Свечин

Лучи смерти

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Свечин Н.

Лучи смерти / Н. Свечин — «Автор», 2017 — (Сыщик Его Величества)

ISBN 978-5-699-94817-8

Министр внутренних дел Плеве поручил Лыкову дознание обстоятельств смерти ученого Михаила Филиппова, который летом 1903 года сообщил о своем изобретении – новом, невиданном ранее оружии, столь разрушительном, что войны с ним станут бессмысленны. На следующий день после публикации этой новости в газете ученого нашли мертвым. Доктора констатировали смерть от естественных причин – у покойного было больное сердце. А вскоре контрразведка перехватила письмо германского резидента с сообщением о том, что Филиппов убит, власти ни о чем не догадываются, а бумаги изобретателя вот-вот переправят в Берлин. Насколько удачливым Лыков окажется на этот раз? Сможет ли найти убийц изобретателя «лучей смерти»? Сможет ли сам остаться в живых?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94817-8

© Свечин Н., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Николай Свечин

Лучи смерти

© Свечин Н., текст, 2017

© Асадчева Е., иллюстрации, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

Три медведя в одной берлоге

Россия вошла в двадцатый век, и сразу началось то, чего одни ждали, а другие боялись. 14 февраля 1901 года студент Карпович застрелил на приеме министра народного просвещения Боголепова. Тот приказал отдать в солдаты студентов, замешанных в беспорядках, – и поплатился за это жизнью. Власть растерялась: в стране давно не происходило ничего подобного. Убийцу судил общегражданский суд, не имевший права выносить смертные приговоры. Карпович получил большой срок, но его акт был лишь началом новой действительности.

Седьмого мая того же года неожиданно вспыхнули волнения на Обуховском сталелитейном заводе. Да еще какие! К недовольным металлистам присоединились рабочие карточной фабрики и соседнего Александровского завода. Они дали настоящий бой полиции и даже выдержали осаду армии. Пришлось вызывать целый батальон, солдаты стреляли в бунтовщиков. Восемь обуховцев погибли на месте, были убитые и среди городских.

Власти готовились к худшему и не ошиблись. В марте 1902 года в Харьковской и Полтавской губерниях начались аграрные беспорядки. Неурожай и рост арендной платы довели мужиков до отчаяния. Они стали громить помещичьи экономии, отбирать зерно, сено и скот. За месяц разграбили сто пять поместий и несколько сожгли дотла. Снова пришлось вызывать войска, пороть бунтовщиков и судить зачинщиков. А 2 апреля застрелили министра внутренних дел Сипягина. В вестибюле Мариинского дворца его вызвал офицер. Будто бы он привез министру личное письмо великого князя Сергея Александровича. Сипягин спустился по лестнице, протянул руку – и получил пулю в живот. Через два часа он скончался в сильных мучениях на руках у жены. Террориста схватили, им оказался еще один бывший студент, Балмашёв. Он стойко выдержал допросы и не дал показаний. Лишь в июле стало известно, кто послал его на акт. В Харькове случилось очередное покушение, на этот раз неудачное. Боевик выстрелил в спину губернатору Оболенскому, мстя ему за жестокость при разгоне сельских бунтов. Первая пуля задела жертву по касательной. Вторую отвела супруга губернатора: она вцепилась в руку террориста и не дала ему прицелиться. Схваченный, тот испугался петли и признался. Его звали Качура, он состоял в Боевой организации партии социалистов-революционеров, которая и вынесла Оболенскому приговор. С этого момента буквы Б. О. П. С.-Р. стали настоящим кошмаром для властей.

Смерть Сипягина, руководителя важнейшего из министерств, взбудоражила Петербург. Он пробыл на должности всего два с половиной года. Когда государь отставлял предыдущего министра Горемыкина, возник вопрос, кем его заменить. Царь попросил совета у двух человек: Витте и Победоносцева. Есть кандидатуры Сипягина и Плеве – кого назначить? Хитрец Витте, большой приятель первого, дал замысловатый ответ. Дмитрий Сергеевич менее способен, но более принципиален. А Вячеслав Константинович всем хорош, но принципов никогда не имел и иметь не будет. Победоносцев высказался еще резче: Сипягин дурак, а Плеве подлец. Выбирай, царь-батюшка, кого хочешь... В итоге министром стал Сипягин, а Витте обрел в лице Плеве злейшего и опасного врага. И вот ситуация повторилась: нужен был новый человек, причем в условиях войны с террористами. И царь на этот раз назначил Плеве.

Вячеслав Константинович воспрянул. Уже давно он был отлучен от большой политики. Товарищ министра¹ внутренних дел еще при недоброй памяти графе Толстом, он остался в той же должности и при Иване Николаевиче Дурново. Курировал полицию, а фактически тащил на себе все министерство: ни Толстой, ни Дурново дела не знали и занимались в основном пред-

¹ Товарищ министра – заместитель. (Здесь и далее – примеч. автора.)

ставительством. Расти ему не давали, и Плеве ушел в государственные секретари. Это оказалось ошибкой: бюрократия засосала талантливого чиновника. Карьеру можно делать, только если ты на виду у императора. А в Государственном совете что? Председатель его, великий князь Михаил Николаевич, сам видел царя по большим праздникам. Плеве оставался сенатором и статс-секретарем, но желал большего. С целью обратить на себя внимание затеял «финляндский вопрос», поссоривший Николая Второго с финским народом. Государя убедили, что у чухонцев слишком много свобод, надо бы их урезать. Вот армию свою держат – пусть волюют ее в общую, российскую. Затеялся страшный скандал, и под шумок Плеве пролез в министры по делам Великого княжества Финляндского. А это прямой доклад у государя! Но тут кстати застрелили Сипягина. Кому надо, вспомнили, что именно Плеве в свое время разгромил «Народную волю». И сильный человек понадобился вновь.

Придя в здание на Фонтанке, 57, Вячеслав Константинович решил реформировать министерство. Начал он с изгнания Зволянского. Во время представления чинов Департамента полиции новому министру тот состроил козью морду. И заявил: вы приложили немало сил, чтобы разрушить ту постановку дела, которую в свое время я вам дал... Начальник и приятель Лыкова был вынужден перейти в Сенат.

Тут еще, словно в насмешку над новым министром, в Уфе застрелили губернатора Богдановича. Тот велел расстрелять толпу бунтующих рабочих в Златоусте. На казенном заводе случилось глупое недоразумение. Оружейникам заменили рабочие книжки, изъяв из них ссылку на указ 1861 года об отмене крепостного права. Агитаторы возбудили толпу, сказав, что пролетариев снова закрепостят! Доверчивый народ возмутился, начались волнения, и в результате погибло шестьдесят девять человек...² Террористы бросали вызов Плеве. И тот его принял.

Новым директором департамента он назначил человека из судейских, Алексея Александровича Лопухина. Бывший до этого прокурором Харьковской судебной палаты, он приглянулся Плеве, когда тот объезжал охваченные беспорядками губернии. Тридцативосьмилетний статский советник из хорошего рода, послуживший и в провинции, и в столицах, возглавил вдруг самое карательное ведомство империи. Будучи при этом либералом и легкомысленным мечтателем.

Для департамента настали трудные времена. Лопухин и его шеф стали тасовать кадры, приводить новых людей. В фавор вдруг попал знаменитый Зубатов, человек выдающийся, но тоже утопист. Сергей Васильевич начинал как революционер, но после ареста он одумался и разочаровался в противоправной деятельности. Вплоть до того, что добровольно поступил на службу в Московское охранное отделение. Человек аналитического склада ума, знающий революцию изнутри, Зубатов быстро вырос в главную фигуру политического сыска. Он поставил Московское отделение на недостижимую высоту: завел образцовую агентуру, научил жандармских офицеров тонкостям дознания, выстроил легендарную филерскую службу. Зубатов стал создателем новой школы сыска, его успехи были очевидны. Но он увлекся большой политикой. А именно, придумал ко всему прочему еще и «полицейский социализм». Охранник решил, что нужно убрать средостение между царем и его подданными, конкретно рабочими. Фабриканты-кровопийцы душат рабочих невыносимыми условиями труда да и платят мало. Те недовольны, чем пользуются революционеры. А вот если власть в лице полицейского ведомства поможет пролетариям защитить свои права, то наступит идиллия. Рабочие найдут заступничество у царевых слуг, еще больше возлюбят государя, и почва для революций исчезнет. Надо лишь возглавить рабочее движение и направить его в нужное русло.

Эта наивная идея, как ни странно, пришлась по душе высокому покровителю Зубатова, великому князю Сергею Александровичу. Генерал-губернатор Москвы и дядя царя, он был очень влиятельным человеком. И убедил племянника дать ход реформе. Появились рабочие

² По официальным данным, погибло сорок пять человек, но они, видимо, занижены.

союзы, тут же вступившие в пререкания с работодателями. Ссылались они при этом на обер-полицмейстера! «Полицейский социализм», как ядовито назвали его оппоненты, начал шагать по стране. Промышленники недоумевали: что это власть так рьяно занялась сословием, составляющим один процент от населения страны? Вон крестьян восемьдесят процентов, погибают в бесправии, и никому дела нету... И в это время Плеве назначил Зубатова начальником Особого отдела Департамента полиции.

Созданный в 1898 году, этот отдел быстро сделался главным в департаменте. Он объединил все делопроизводства, занимавшиеся политическим сыском. Ему же подчинялись охранные отделения, которых на тот момент было лишь три: Петербургское, Московское и Варшавское. (Зубатов тут же затеял создание еще четырнадцати.) Также Особый отдел забрал себе Заграничную агентуру, которой много лет безнадзорно руководил знаменитый Рачковский. Сразу возникли недоразумения. Плеве продолжил чистку рядов, и вместо Рачковского в Париж отправился Ратаев. Он создал и возглавил Особый отдел четыре года назад. Теперь Зубатов привел туда много своих людей из Москвы, которые все переменили. При полном согласии Лопухина... Старые чиновники, помнившие еще времена Третьего отделения, вылетели на пенсию. Впервые в штате департамента появились жандармские офицеры.

Между тем Плеве занимался не только полицейскими вопросами, к которым он был наиболее подготовлен. Хозяйство в МВД огромное, вся внутренняя политика в империи относится к его компетенции. Нужны хорошие товарищи, которые разгрузят министра от второстепенных дел. В этом Вячеславу Константиновичу было нелегко. Он унаследовал от Сипягина сразу трех товарищей, и теперь приходилось иметь дело с ними. Самым опытным являлся Петр Николаевич Дурново, тот самый, который сменил много лет назад самого Плеве на посту директора Департамента полиции. Умный, жесткий, он командовал полицией дольше всех. Но подвела его женщина. Большой юбочник, Дурново заподозрил свою любовницу в том, что она изменяет ему с бразильским посланником. Баба все отрицала. Тогда главный охранитель закона приказал тайно взломать бюро дипломата и выкрасть оттуда любовную переписку. Ушлые профессионалы из департамента залезли в квартиру посланника и вынесли бумаги. А Дурново уличил с их помощью неверную пассию. Та, дура, пожаловалась бразильянцу... История дошла до государя. Им тогда был Александр Третий, который спуска не давал. И сильный способный человек с треском вылетел в Сенат. В ведомстве с тех пор началась чехарда, директора менялись каждые год-полтора. Но, поскольку революцию в стране вроде как истребили, высшую власть это не очень беспокоило.

Когда министром внутренних дел назначили егермейстера Сипягина, тому понадобился опытный цепной пес. Сам он полицейского дела не знал, как, впрочем, и всех остальных дел. Дмитрий Сергеевич попросил совета у Витте. К тому как раз накануне пришел сенатор Дурново с необычной просьбой. Он проигрался на бирже и теперь просил помощи у министра финансов. Ему срочно нужны шестьдесят тысяч рублей, причем безвозвратно. Вот, хорошо бы получить... за свои предыдущие заслуги... Опешивший Витте (доселе они с Дурново не были знакомы) послал его куда подальше. Тот спросил: а если за меня похлопочет Дмитрий Сергеевич? Министр ответил: деньги может дать только государь, но я буду против, кто бы ни просил. И через день Сипягин действительно обратился к Витте, но за советом. Как тот думает, можно ли взять Дурново в товарищи? Репутация плохая, но человек опытный. Тот ответил: бери, но только не доверяй ему полицию. Дай то, что на виду, где нет тайных операций и секретных фондов. Сипягин взял Дурново и тотчас попал под его влияние. В том числе и полицию поручил. И деньги выдал, все шестьдесят тысяч, из тех самых секретных фондов.

Когда Сипягина застрелили и на его место пришел Плеве, министр и его товарищ не обрадовались встрече. Два волевых и опытных человека, они были конкурентами в одном ремесле. Как быть? Вячеслав Константинович предложил Дурново взять в самостоятельное ведение почту и телеграф. Половина МВД! Огромное хозяйство с колоссальным бюджетом,

хлопот не впрокорот, работай на здоровье. Только не лезь в другие дела. Но Дурново именно другие дела и были интересны! Те, где большая политика, где доклады государю, очереди в приемной, все осаждают тебя с просьбами... Гонять почтальонов бывшему карателю было скучно. Деваться некуда, он занялся почтово-телеграфным ведомством и здорово его улучшил. Но затаил недовольство.

А Плеве между тем схватился не на живот, а на смерть с самим Витте. Казалось бы, министру внутренних дел было чем заняться и без интриг. Министерство финансов его не касалось, своих забот хватало. Но влияние Витте превосходило влияние других сановников. Он воздействовал в том числе и на внутреннюю политику, тем более что Сипягин жил его умом и ел у него с ладони. Плеве, как самостоятельная фигура, не желал мириться с соперником. У них были разные взгляды на то, что должна предпринять власть в трудное время крамолы. По-разному они смотрели и на самый главный в России вопрос – аграрный. Но имелись и личные счеты: Плеве люто ненавидел своего могущественного соперника. Решив избавиться от него любой ценой, новый министр принялся искать союзников. Чего-чего, а врагов у Витте всегда было достаточно. Наступило и для него трудное время. Николаю Второму хотелось иметь в правительстве тех, кого он сам выбрал, а не кого унаследовал от отца. И он за годы своего царствования переменял весь кабинет. Из прежних зубров остался лишь Витте. Царь не любил сильных министров. Они словно уменьшали его самодержавную власть своей независимостью, знаниями, волей. Николаю проще было с теми, кто пытался в первую очередь угадать желание монарха. Отец не подготовил сына к сложному делу управления страной – он рассчитывал прожить подольше. Застенчивый, недоверчивый Николай первое время был под надзором дядьев. Постепенно он начал осваиваться на троне, завел конфиденентов. Наказывать царь не любил, трудно принимал решения об отставках, причем, плохо зная людей, поддавался влиянию окружения. Часто менял свои решения. Скрывал от царедворцев истинные желания. А затем обижался на них за плохой совет...

Зная такие его качества, Плеве заручился настоящими, патентованными союзниками против Витте. Тот давно уже сцепился с компанией Безобразова и Абазы, толкавшей Россию на путь экспансии в Маньчжурию. Это грозило ссорой с Китаем и войной с Японией. Прижимистый Сергей Юльевич, любимчик миротворца Александра Третьего, был категорически против войны на краю империи. Да еще за какие-то частные лесные концессии. И враги дружно набросились на него, да так, что стул под баловнем судьбы зашатался. Зять государя великий князь Александр Михайлович решил попробовать себя в деле. И для него придумали новое ведомство на правах министерства – Главное управление торгового мореплавания и портов. При этом оно забрало часть функций и кадров у Министерства финансов. Плеве попытался отнять фабрично-заводскую инспекцию, даже невинное Министерство народного просвещения покусилось на учебные заведения Минфина.

За всем этим с интересом наблюдал еще один сильный игрок – князь Мещерский. Владимир Петрович был выдающимся мерзавцем и интриганом. В своем салоне он принимал тех, кто делал карьеру любой ценой. Противоестественные склонности не мешали князю быть советником государя и издавать на казенные деньги патриотический журнал «Гражданин». Мещерский приложил руку к назначению Плеве на пост министра. Благодарный сановник устроил последнюю любовь стареющего педераста, камергера Бурнукова, к себе чиновником особых поручений. Но с тех пор между князем и министром пробежала черная кошка. И теперь конфиденц царя думал, чью сторону ему принять...

Круто был замешан 1903 год. Два медведя сцепились в яростной схватке за власть. Незаметный для других, за ними наблюдал третий хищник, Дурново. Лишь немногие знали, что он ни в чем не уступит патрициям, просто его время пока не пришло. Зубатов пытался дирижировать рабочим движением. Военный министр Куропаткин обещал закидать японцев шап-

ками. А таинственная Боевая организация строила свои планы. На секретном совещании ее вожди решили перейти на бомбы. «Мало веры в револьверы». Так надежнее.

Коллежский советник Лыков служил, как и прежде, чиновником особых поручений Департамента полиции. Новые люди потеснили и его. Казалось бы, зачем? Всех интересовал политический сыск, уголовный, как обычно, был в загоне. Но Лопухин решил пересерстить прежних чиновников всех до единого. Добрался он и до Алексея Николаевича. Две подробные беседы выявили некоторое несогласие во взглядах начальника и подчиненного. Выходец из судебного ведомства, Лопухин был законником от и до. Слухи о том, что коллежский советник иногда перегибает палку, задели директора. Спорить с начальством – глупое занятие, и Лыков чуть не на образах божился чтить Свод законов. Тем не менее он попал к новому шефу на карандаш и впервые за много лет не получил наградные к Пасхе. Бог бы с ними, с деньгами – он был обеспеченным человеком; но это плохой сигнал, что же будет дальше? Затем ему перестали давать поручения. Просидев без дела две недели, Лыков записался на прием к министру.

Неожиданно для него Плеве назначил встречу бывшему подчиненному у себя на квартире, почти ночью. Служа с Вячеславом Константиновичем много лет назад, Лыков никогда не был к нему близок – мелкая сошка. Но знал всю его семью, бывал у него дома, изредка выполнял конфиденциальные поручения Орла³. Теперь он был поражен, как все изменилось. Прежде в старой квартире на Большой Морской, против реформатской церкви, было скучно, но уютно. Народу жило много, с тестем и детьми пять человек. Сын Николай, молчаливый мизантроп, почти не показывался в комнатах. Тесть, старик Уржумецкий-Грицевич, любил длинные занудные разговоры о прошлом. А супруга Плеве Зинаида Николаевна, как могла, пыталась развлекать гостей. Выходило это у нее неважно. Оживление в семейный уклад вносила дочь Елизавета, веселая и добродушная барышня.

Теперь все было по-другому. Елизавета вышла замуж, сын жил отдельно, тесть умер. Зинаида Николаевна, измученная бесчисленными изменами супруга, перестала показываться на людях и, как говорили, очень подурнела. Высокий, седоусый, с решительными чертами лица и умными пронизательными глазами, Плеве принял гостя один. Он теперь жил в казенной квартире МВД прямо в здании Департамента полиции, на Фонтанке, 16. Квартира была на первом этаже, два окна выходили на набережную. Лыков всегда недоумевал: как можно здесь поселиться? Бросить бомбу с улицы ничего не стоит...

– Садитесь, Алексей Николаевич. Чаю или, быть может, коньяку?

– Лучше чаю, Вячеслав Константинович.

– Как угодно. Ну, что произошло у вас с Лопухиным? Вы повидали уже столько директоров департамента, могли бы, кажется, и с этим договориться.

Сыщик знал, что Плеве, при всей кажущейся суровости, очень трогательно заботился о своих сотрудниках, даже рядовых. И он честно рассказал о тех разногласиях, что возникли у него с директором. Да, иногда коллежский советник переступал границы закона. Но для пользы дела! Мог и челюсть сломать негодяю, который не хотел признаваться. Пару злодеев выкинул в окно, когда был помоложе. Жестко вел допросы, мог подделать нужную улику, если с доказательствами возникали проблемы. Плеве как профессионал должен его понять. А Лопухин живет по старым судебским привычкам. Так можно и всю службу завалить... Сыщик подумал, но не сказал этого вслух, что директору вообще не место в Департаменте полиции. Легкомысленный, с огромным самомнением, по уровню государственного мышления Алексей Александрович Лопухин был мальчишка. Но умный Плеве почему-то выбрал его.

– Так, и что же вы решили?

– Решил служить, Вячеслав Константинович. Вы же знаете, без службы я не могу. Обещал больше ни-ни, все по закону. А в ответ перестал получать задания. Тишина, бумаг не носят.

³ Орел – прозвище Плеве в МВД.

Сижу на заднице вторую неделю и думаю, что делать. Судя по всему, не поверил мне Алексей Александрович.

– Как видите дальнейший ход событий?

– Ну... В градоначальстве, говорят, недовольны Чулицким. Может, я там сгожусь?

Плеве сморщился, словно откусил лимон. Чулицкий был начальником Петербургской сыскной полиции. Лыков давал понять, что готов уйти из департамента.

– Погодите, Алексей Николаевич. Не порите горячку, будет вам. Мы долго служили вместе, я весьма высокого об вас мнения. В департаменте никто лучше не разбирается в уголовном сыске. А Чулицкому, кстати, уже нашли замену. Филиппова знаете?

– Владимира Гавриловича?

– Да. Он и будет начальником сыскной, решение уже принято.

– А Сергея Ильича снова прокатят?

Коллежский советник Инихов был вечным помощником начальника сыскной части и никак не мог подняться выше.

– Инихов остается на прежней должности. Так что, Алексей Николаевич, идти вам некуда, хе-хе. И потом, я вас не отпускаю. Вы мне нужны в департаменте. Кто же будет создавать объединенный уголовный сыск, как не вы?

Лыков недоверчиво нахмурил брови:

– При ваших контрах с Витте... Извините, Вячеслав Константинович, он и копейки не даст. Раньше-то нас отсылали ни с чем, а теперь...

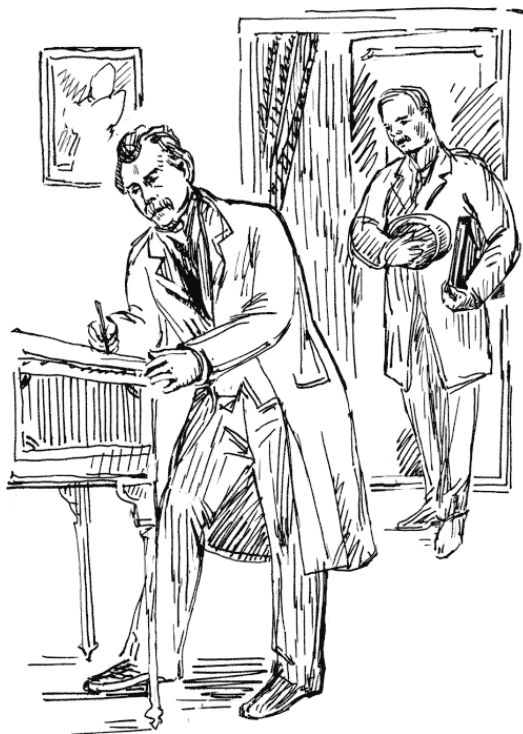
– Витте скоро не будет, – убежденно ответил Плеве. – Я уберу этого мерзавца из власти. Хватит ему губить страну. И тогда новый министр финансов, я уверен, рассмотрит ваши предложения. Вы ведь планируете еще одно делопроизводство?

Два профессионала обсудили планы создания структуры, которую задумывал много лет назад еще покойный Благово. Алексей Николаевич, как чувствовал, прихватил на прием бумаги с обоснованием. Министр их внимательно просмотрел и устно одобрил. В заключение он сказал:

– Служите как служили. Я поговорю с Лопухиным, никто вас больше не заденет. Поручения станете получать преимущественно от меня.

Уже в дверях, пожимая сыщику руку, Плеве спохватился:

– Дайте-ка мне еще раз ваши предложения.

Лыков вынул из портфеля бумаги, и действительный тайный советник написал на титульном листе:

«Полностью одобряю. Давно пора это сделать. Департаменту подготовить предложения на Государственный совет для внесения изменений в штаты. Ответственный: ксв⁴ Лыков».

Поймав недоумевающий взгляд подчиненного, Плеве пояснил:

– Меня могут убить в любой момент. А резолюция поможет вам поднять этот вопрос с моим заместителем.

Лыков смутился.

– Будет вам, Алексей Николаевич, – хмыкнул в усы министр. – Не надо меня утешать, я не курсистка. Конечно, убьют! Вопрос в том, что я успею до этого сделать.

– Но усилить охрану стоит, – осторожно сказал Лыков.

– Никакая охрана не спасет, если целая организация против тебя, – ответил Плеве. – Но тут Богу решать, а не нам... Секретная агентура сообщила: на первом плане у террористов я, затем Победоносцев. Так что берегите резолюцию, она может вам еще пригодиться. Ну, прощайте.

Лыков ушел задумчивый. Как можно жить, если знаешь, что тебя не сегодня завтра прикончат? Он был в такой ситуации в Варшаве, где боевики устроили на русского сыщика охоту. Невыносимо тоскливо, все валится из рук, можешь думать только об этом...

После разговора положение коллежского советника изменилось. Лопухин был у Плеве в особом фаворе, тот доверял ему полностью. Но в случае с Лыковым, видимо, дал строгое указание. Алексей Николаевич получил задним числом все награды, а затем восстановился и нормальный ход его службы. Директор сам с ним не общался, при встречах был вежлив, но поручения передавал через вице-директора Зуева. Большею частью это были прямые задания Плеве.

⁴ Ксв – коллежский советник.

Глава 2

Приказ с самого верха

20 июня 1903 года Лыкову телефонировал Зуев:

– Алексей Николаевич, ступайте немедленно в министерство. Плеве требует, очень срочно!

– Нил Петрович, уже лечу.

Министр принял сыщика сразу. Он был хмур и деловит.

– Вот выписка из депеши, мне передал ее военный министр. Автор – германский морской агент барон Шиммельман. Почитайте, что пишет этот мерзавец начальству!

– Перлюстрация? – догадался Лыков. – Ну-ка...

Текст перехваченного донесения поразил его. Барон сообщал в генеральный штаб, что операция с неким Филипповым прошла успешно. Он мертв, и петербургская полиция ничего не заподозрила. Секретные исследования доктора и его рукописи выкрадены, их со дня на день доставит в Германию агент Макс.

– Шпионство с убийством русского подданного? Неслыханно! А кто этот доктор Филиппов, ваше высокопревосходительство?

– Я запросил градоначальство. Неделю назад умер доктор натуральной философии Филиппов. Скончался от удара у себя на квартире. Кстати, во время химического опыта!

– Видимо, тот самый. А полиция ничего не заподозрила и констатировала, надо полагать, смерть от естественных причин.

– Вот что, Алексей Николаевич, займитесь этим делом, – заявил Плеве. – Вы уже занимались контршпионством. Куропаткин обещает содействие. Они там создали наконец военную контрразведку – вот пусть и потрудится.

– А при чем тут военные, Вячеслав Константинович? Налицо уголовное преступление, мы сами с ним разберемся.

Министр покосился на коллежского советника и нехотя пояснил:

– По словам Куропаткина, этот Филиппов изобретал какое-то варварское оружие. Вот армия и засуетилась. Хотят знать, что нахимичил доктор натуральной философии.

– Понятно.

– Там вообще клубок, – продолжил Плеве. – Филиппов этот был под негласным надзором полиции как марксист.

– Ясно... Его вело столичное охранное отделение или наш департамент?

– Вот вы и разберитесь. Даю вам все полномочия дознавать это дело. Все! Жандармы, охрана, департамент обязаны отвечать на ваши вопросы и оказывать полное содействие. Соответствующая бумага уже ждет вас в приемной. Скажу больше: известием обеспокоен сам государь. Он взял происшествие на свой контроль. Революционер изобрел новое оружие, его украли германцы, а самого горе-изобретателя утертвили. Чудовищно! А потом это оружие выстрелит против нас? Ах, немчура...

– Разрешите приступить?

– Да, идите. Начинайте рыть землю немедленно. Знаю, вы это умеете. Кстати, – вдруг развеселился министр, – от военных будет помогать ваш приятель генерал Таубе. Вместе вы горы своротите, хе-хе.

Коллежский советник отправился за бумагой. Документ был сильный, Плеве использовал весьма энергичные выражения. Участие в дознании Таубе тоже понравилось сыщику. Военный министр Куропаткин, конечно, тот еще дундук, но у армии свои средства, они могут пригодиться.

Алексей Николаевич знал от приятеля, что тому удалось сдвинуть с мертвой точки свою старую идею. При управлении Второго генерал-квартирмейстера Генерального штаба в большой тайне было создано Разведочное отделение. Оно являлось внештатным и не указывалось ни в одном открытом документе. Виктор Рейнгольдович, по должности директора канцелярии Военно-ученого комитета, руководил новой секретной службой.

Перед тем как телефонировать барону, Лыков запросил в секретариате справку на загадочного ученого-социалиста Филиппова. Ему дали лист бумаги. Сведений оказалось негусто. Михаил Михайлович Филиппов, редактор журнала «Научное обозрение». Хороший журнал, семейство сыщика его выписывало! Проживал на улице Жуковского, в доме номер тридцать семь. Что еще за улица такая? Секретарь пояснил, что это новое название переименованной Малой Итальянской. Ученую степень Филиппов получил не абы где, а в Гейдельберге. Состоял под негласным надзором полиции. Постановлением Особого совещания МВД от 1 июня 1901 года ему запретили жительство в университетских городах сроком на год. Отбыл высылку в курортном финском городке Териоки и вернулся в Петербург. Умер 12 июня от паралича сердца вследствие органического сердечного порока. Похоронен 16 июня на Волковском православном кладбище.

Прочитав справку, Алексей Николаевич передумал телефонировать в Военное министерство. Виктор первым делом спросит, что полиции известно о Филиппове. Отдавать ему эту справку бессмысленно, в ней ничего нет. Между тем, если человек состоял под негласным надзором, на него заводилось дело. Бумаг там должно быть немерено, и начинать дознание надо с них.

Лыков вернулся к себе на Фонтанку, 16, и пошел в Особый отдел. С тех пор как он был создан, отдел сильно разросся и теперь включал чуть не половину чиновников департамента. Когда его возглавил Зубатов, к четырем уже существующим добавилось еще два стола. Пятый стол руководил охранными отделениями, шестой – службой наружного наблюдения. Из Москвы на должность его заведывающего перевелся знаменитый Евстратий Медников, начальник филерского отряда тамошней охраны. Теперь все секретные политические дела сосредоточились исключительно в Особом отделе. Надворный советник Зубатов подчинялся напрямую директору и потихоньку выживал всех прежних сотрудников, заменяя их москвичами.

Среднего роста блондин с приятным лицом и умными глазами, Зубатов встретил Лыкова на первый взгляд приветливо.

– Чему обязан, Алексей Николаевич? Вроде бы ваши жулики давно в политику не играют.

– Жулики занимаются своим делом, – подтвердил сыщик. – А меня Орел послал в ваш огород, Сергей Васильевич, уж не обессудьте. Поручил разобраться со смертью редактора «Научного обозрения» Филиппова. Прошу просветить, сообщить все, что о нем известно.

Зубатов словно поперхнулся:

– Филиппов? Который недавно помер?

– Тот самый.

– Полноте, зачем он вам? Болтун, как все наши либералы.

Коллежский советник лишь молча развел руками: мол, я-то тут при чем, начальство приказало.

Сергей Васильевич сокрушенно потряс головой, потом открыл дверь кабинета и велел позвать архивариуса. Через несколько минут Лыков листал дело. Как он и ожидал, бумаг в нем было достаточно. Сыщик унес папку к себе и стал делать выписки. Никогда не знаешь, что может пригодиться в дознании убийства. Надо начать с уяснения личности жертвы. Если, конечно, немцы не наврали и смерть ученого была насильственной.

Филиппов оказался почти ровесником Лыкову. Он родился в 1858 году в имении деда, генерал-лейтенанта Васильковского. Тот будто бы вел свой род от Богдана Хмельницкого. Дочка генерала вышла замуж за молодого юриста, сына николаевского нотариуса, Михаила

Абрамовича Филиппова. Отец ученого отметил, что пописывал книжки, одна из которых – «Патриарх Никон» – даже на шумела. Умер он в Риге в 1886 году в скромном чине титулярного советника.

Михаил как-то подозрительно долго получал высшее образование. Сначала поступил в Новороссийский университет на физико-математический факультет. Через год переехал в столицу и поступил уже на юридический в Петербургский университет. Через два года, не доучившись, вернулся в Одессу. Был замешан в беспорядках и заметал следы, надо было спрятаться... Денег за обучение не заплатил и был отчислен, после чего опять отправился в столицу.

В 1884 году Филиппов взялся за ум. Блестяще сдал экстерном полный курс физмата и получил звание кандидата наук. Познакомился с Менделеевым и перевел на французский язык его «Основы химии». Стоп, он же физик и математик, при чем тут химия? Бывают люди универсальных знаний, неужели потомок Хмельницкого из таких? Энциклопедист, ети его... Защитившись, Филиппов поступил на службу в журнал «Русское богатство», где стал редактором научного отдела. Вот откуда его страсть популяризировать науку... Женится на Любове Ивановне Столяровой, курсистке, работавшей в том же журнале. Через год написал положительную рецензию на второй том «Капитала» Маркса. Увлёкся славянским вопросом и в 1889 году перешел в «Славянские известия». Там не прижился. Ругал германский милитаризм. Не тогда ли немцы впервые обратили на него свое опасное внимание? Филиппов издал две книги: одну – о борьбе хорватов против Австро-Венгрии, вторую – о Скобелеве.

Решив продолжить образование за границей, химический физик уехал из России. Прага, Париж, затем Лозанна. В ней он впервые попал в поле зрения агентуры Департамента полиции: познакомился с Плехановым и Лавровым, много трепал языком. Потом поселился в Гейдельберге и там в 1892 году защитил докторскую степень. Тема работы: «Инварианты линейных однородных дифференциальных уравнений». Абракадабра какая-то...

В 1893 году новоиспеченный доктор вернулся в Петербург и ударился в философию. Опять поворот? Да, человек летучего ума был Михаил Михайлович. Издал двухтомник «Философия действительности». Полное название труда – «История и критический анализ научно-философских мировоззрений от древности до наших дней». Следом вышла книга «Судьбы русской философии». А еще Филиппов ввязался в спор с легальными марксистами Струве и Туган-Барановским и защищал Бельтова, настоящая фамилия которого – Плеханов. Того самого, политического эмигранта и бывшего террориста. Параллельно химико-физический философ писал художественные произведения. Историческая повесть «Дворянская честь» была принята публикой хорошо, а «Осажденный Севастополь» даже пользовался большим успехом. Вот как! Варенька очень хвалила эту книгу и предлагала мужу тоже ее прочитать. Но у сыщика, как всегда, не дошли руки. Значит, Филиппов действительно талантливый человек – в литературном вкусе жены Алексей Николаевич не сомневался.

Попалась сыщику и бумага за подписью его недавнего начальника Зволянского. Неугомонный Филиппов издал трехтомный «Энциклопедический словарь». Казалось бы, нужное дело, что тут плохого? Но директор Департамента полиции в письме министру сообщал, что словарь этот правильнее было бы назвать не энциклопедическим, а социалистическим, поскольку в нем особенно подробно и пристрастно разработаны были термины, касающиеся социализма.

Жаль, жаль... Из дела постепенно вырисовывался необычный образ, образ яркого и разностороннего человека. А тут еще «Научное обозрение». Филиппов начал издавать журнал с 1894 года на собственные средства. Сперва он являлся сугубо физико-математическим еженедельником, интересным лишь специалистам. Но вскоре превратился в толстый ежемесячный литературно-общественный журнал. И, как следовало из справки Особого отдела, рупор легальных марксистов. Как раз тогда Лыковы и начали его выписывать, привлеченные обзорами научных открытий. Они были живыми и понятными для обычного читателя. Жаль...

Между тем доктор натуральной философии Гейдельбергского университета, как подписывался Филиппов, стал ходить по лезвию ножа. В папке оказалось несколько доносов от секретной агентуры Департамента полиции. Осенью 1899 года на вечере, устроенном журналом «Жизнь», ученый поднял тост за 18 марта в России. Экий баловник! Восемнадцатое марта – день Парижской коммуны, только ее сейчас нам не хватало. А вскоре заявил буквально следующее: «Близок тот день, когда мы увидим баррикады на Невском проспекте». После того как Филиппов опубликовал в своем журнале статью Веры Засулич (конечно, под псевдонимом), терпение властей кончилось. Крамольника выслали из Петербурга, запретив жить во всех городах, где есть университеты.

Филипповы поселились в Териоках на даче Богомолова. В семье было уже двое детей, сын и дочь. Михаил Михайлович загодя продал свой журнал Сойкину, оставшись главным редактором «Научного обозрения». Как они вчетвером жили на доходы от этого? Снова в деле замелькали донесения агентов. В Териоках тогда скопилось много левого элемента, и Филиппов сошелся с ним. Профессор Лесгафт, академик Бехтерев... Ну это еще куда ни шло. А вот Коллонтай уже совсем ни к чему. Дочь почтенного генерала Домонтовича, красивая и умная, она вскружила голову множеству поклонников. Довела до самоубийства Ивана Драгомирова, сына знаменитого полководца. А когда вышла замуж и родила ребенка, недолго предавалась радостям материнства. Коллонтай увлекли социал-демократические идеи, она бросила семью и сошлась с революционерами.

В конце 1902 года вся шайка вернулась в Петербург. Там вокруг Филиппова сформировался кружок из ученых либерального толка. Внутреннее осведомление проникло и в него. Агенты называли в числе участников кружка много звучных имен. Помимо тех же Бехтерева и Лесгафта, на вечера к Филиппову ходили химик Бекетов, естествовед Бахметьев, физик Хвольсон, биолог Вагнер, географ Воейков, электрохимик Кистяковский. Даже Менделеев посещал эти собрания. Особняком стояла фигура профессора Лозаннского университета Герцена, сына знаменитого изгнанника. Ну, ученые собирались и перемывали косточки самодержцу. Любимое занятие нашей интеллигенции. Назначь любого из них помощником исправника в уезд – завалит службу за месяц, это не языком чесать. Но монархии от их трепаса особого убытка нет. При чем здесь изобретение оружия и немецкое шпионство?

Ответ на первый вопрос сыщик нашел в той же папке, в последнем документе. Это оказалось письмо в газету «Санкт-Петербургские ведомости». Когда Лыков прочел его, захотелось протереть глаза... В письме рукой Филиппова было начертано следующее:

«В ранней юности я прочел у Бокля, что изобретение пороха сделало войны менее кровопролитными. С тех пор меня преследовала мысль о возможности такого изобретения, которое бы сделало войны практически невозможными. Как это ни удивительно, но на днях мною сделано открытие, практическая разработка которого практически упразднит войну.

Речь идет об изобретенном мною способе электрической передачи на расстояние волны взрыва, причем, судя по примененному методу, передача эта возможна на расстояние тысяч километров, так что, сделав взрыв в Петербурге, можно будет передать его действие в Константинополь. Способ изумительно прост и дешев. Но при таком ведении войны на расстояниях, мною указанных, война фактически становится безумием и должна быть упразднена. Подробности я опубликую осенью в мемуарах Академии наук. Опыты замедляются необычайной опасностью применяемых веществ, частью весьма взрывчатых, как треххлористый азот, частью крайне ядовитых».

Вот так философ! Собирался взорвать к чертовой матери Константинополь. То-то германцы всполошились. Но какой оборот принимает дело – если, конечно, Филиппов не ошибся в расчетах. А если даже и ошибся? Новое оружие, которое упразднит войну, – это из области фантастики. Старый вояка, Алексей Николаевич не верил в подобные открытия. Люди всегда будут убивать друг друга, такова их природа. А уж политикам наплевать на количество жертв,

лишь бы добиться своих сиюминутных целей. Одним изобретением отменить это? Утопично и глупо. Изобретение можно украсть, а его автора тайно убить. Вероятно, именно это и случилось на улице Жуковского. Теперь было ясно, что Плеве дал своему чиновнику особых поручений весьма серьезное задание.

С чего начать? Лыков наспех набросал план действий. Он был по-настоящему взволнован: речь шла, возможно, о безопасности государства. Само по себе письмо Филиппова ничего не значило. Мало ли фантазеров ежедневно пугают народ своими вымышленными открытиями? Но реакция германской разведки придавала истории другой оборот. Пойти на устранение человека и кражу его бумаг в чужой стране... Рискованная операция. Выходит, умные немцы приняли заявление ученого всерьез?

Итак, первое: взять под наблюдение капитана цур зее⁵ барона Шиммельмана. Постараться выявить его агентуру, тех людей, которые, быть может, и совершили убийство русского подданного. Это следует поручить нашему барону, Виктору Таубе, и его секретной службе.

Второе: вытрясти из Петербургского охранного отделения все, что там есть на Филиппова. Они вели его, внедрились в окружение своих людей, но просмотрели главное – работу над неведомым оружием, которое так заинтересовало Германию. Почему просмотрели? Что за бездарные осведомители там сидят? Это задача для Лыкова.

Третье: выяснить у наших ученых, что же стоит за изобретением Филиппова. В мире науки принято обмениваться результатами исследований. Филиппов жил в столице, издавал научный журнал, вращался в профессиональной среде. И производил свои опыты втайне от коллег? Маловероятно. Хорошо бы поручить такое исследование естественнику, отличающему химию от физики, да где его взять? В Департаменте полиции одни юристы, а у военных и того хуже – люди постигали знания в юнкерских училищах. Тут пригодился бы Валевачев, лыковский ученик и образованный человек. Но Юрий вышел в отставку год назад, уехал в Москву и сейчас развивал там фабрику, доставшуюся в наследство от тестя. Надо посоветоваться с Виктором. Может быть, у вояк найдется ученый артиллерист?

Закончив с планом, коллежский советник взялся за трубку телефона. Пора было звать армию.

⁵ *Капитан цур зее* (от нем. *Kapitan zur See* – букв. «капитан моря») – капитан первого ранга в германском военном флоте.

Глава 3

Первые шаги

Алексей Николаевич встретился с Таубе во флигеле Военного министерства. Знаменитый треугольный дом на Адмиралтейской площади, 12, закрывал внутренний двор со всех сторон. Вдали от посторонних глаз и расположилась разведка.

Таубе получил генеральский чин на Рождество. Это стало для него слабым утешением. У барона не ладилось с Куропаткиным. Заняв должность, тот быстро превратился из хорошего боевого генерала в суетливого бюрократа. Главной своей задачей он считал извлечение максимальной денежной выгоды. По должности Куропаткин получал, помимо жалованья, еще и так называемые финляндские деньги. Сейм переводил русскому военному министру ежегодно двадцать тысяч марок, или по курсу восемь тысяч рублей, за управление местными батальонами. При сохранении их автономии... Его предшественники, Милютин и Ванновский, отдавали эти деньги на пособие чинам русских войск в Финляндии. А Куропаткин спокойно клал себе в карман. Когда Николай Второй, по инициативе того же Куропаткина, лишил финскую армию этой автономии, генерал-адъютант вдруг выяснил, что пособия от сейма больше не будет. Очень этим возмутился – и выклянул у государя казенное замещение прежних чухонских сумм. А уж сколько он получил прогонов, без усталости разъезжая по державе... Делами заниматься времени совсем не оставалось. В перерывах между командировками министр жил на даче, где ловил сетью рыбу и стрелял из нагана по мишеням.

Виктор Рейнгольдович стал киснуть и проситься в строй. Только ему жалко было бросать контрразведочную службу, которую он с таким трудом наконец создал. Все шло к тому, что через год барон оставит штабную должность и уйдет командовать первой же дивизией, где откроется вакансия. А тут еще в обществе начали говорить о возможной кампании против Японии. Гуляла фраза, якобы брошенная Плеве, что России сейчас нужна маленькая победоносная война. Сказал он так или нет, точно неизвестно, но чуткие люди уже почувствовали запах гари...

Рядом с генерал-майором примостились еще два офицера. Один был в жандармском мундире с погонами ротмистра. Сухощавый, с профессиональным прищуром, он производил впечатление опытного розыскника. Так и оказалось: ротмистр Лавров возглавил Разведочное отделение Генерального штаба, оставаясь в ОКЖ⁶. До перевода он занимал должность начальника Тифлисского охранного отделения. Это была хорошая школа. На Кавказе до сих пор жило много лихого народа. Каждый оборванец держал дома целый арсенал, а сдаваться полиции без сопротивления было как-то не принято...

Второй офицер представился поручиком Олтаржевским. Должность его звучала очень длинно: младший помощник делопроизводителя Особого делопроизводства военно-статистического управления второго генерал-квартирмейстера. Короче говоря, это был человек Таубе, курирующий новую службу.

– Владимир Николаевич, ознакомьте коллежского советника Лыкова с характером деятельности вашего отделения, – предложил ротмистру генерал-майор. Поймал его взгляд и добавил: – Алексей Николаевич сам много лет занимается секретными делами, проверенный-перепроверенный. Можете ничего не скрывать. Потом, вам теперь вместе шпионов ловить, какие могут быть между вами тайны?

Лавров откашлялся и начал рассказывать:

– Разведочное отделение Генерального штаба, которое я имею честь возглавлять, создано в конце января этого года. Его высокопревосходительство...

– Если можно, покороче, Владимир Николаевич, – попросил Таубе.

– Слушаюсь. Куропаткин подготовил доклад на Высочайшее имя. Писал его, разумеется, Виктор Рейнгольдович. В докладе доказывалась необходимость создать наконец собственную противоразведочную службу. После истории с Гриммом, сами понимаете, дальше терпеть было уже нельзя.

Ротмистр покосился на Лыкова. Тот понимающе кивнул: конечно!

Подполковник Гримм, старший адъютант инспекторского отделения штаба Варшавского военного округа, был разоблачен в прошлом году как германский и австрийский шпион. Он продал врагу много наших секретов. В их числе оказалась даже святая святых – мобилизационное расписание номер семнадцать, где был изложен весь ход мобилизации русской армии; пришлось срочно его менять. Обнаружили измену Гримма случайно. Русский военный агент в Вене полковник Рооп встретил его выходящим из здания австрийского генерального штаба! Гримм спокойно собирал на службе тайные сведения и лично отвозил их в Вену и Берлин. Русское законодательство не было готово к такому повороту: подполковник нарушил присягу в мирное время и должен был отделаться небольшим сроком заключения. Военные юристы кое-как «натянули» ему двенадцать лет каторги. Тотчас после вынесения приговора статьи законов о шпионстве ужесточили, за предательство ввели смертную казнь. Сам изменник отправился в арестантском вагоне в Сибирь, но не доехал. Его убили соседи по нарам, а труп на ходу выбросили из поезда. Говорили, что таким образом конвоиры выполнили секретное задание Военного министерства...

– Его Величество согласился с тем, что контрразведочная служба нужна. В докладе Куропаткина особо было отмечено, что необходимы люди с опытом, и притом не статские. Департамент полиции, который до сих пор боролся со шпионажем, делал это плохо. Чиновники не имеют специальных военных знаний – как им тягаться с кадровыми офицерами германской и австрийской разведок? Поэтому был выбран жандарм, то есть я...

Сыщик опять кивнул, соглашаясь. Лавров приободрился: хоть человек из департаментских, но все понимает. И продолжил:

⁶ ОКЖ – Отдельный корпус жандармов.

– Отделение мое внештатное, само его существование является государственной тайной. Мы сидим на Таврической улице, дом семнадцать. Там моя служебная квартира с канцелярией.

– Сколько у вас людей и кто они?

– Костяк я привез с собой из Тифлиса. Два наблюдательных агента из запасных сверхсрочных унтер-офицеров, а старший над ними – губернский секретарь Перешивкин. Все с опытом работы в охранном отделении.

– Кроме Перешивкина классные чины есть?

– Нет. Всего в отделении шесть наблюдательных агентов, один агент-посыльный, один агент для собирания справок и сведений и для установки лиц, взятых под наблюдение. Еще два почтальона – почту приходится доставлять секретными способами, а это хлопотно. И девять внутренних агентов.

– Это кто такие? – уточнил Лыков.

– Секретные осведомители. Они проходят по делопроизводству исключительно под псевдонимами, настоящие имена известны только мне.

– Правильно, – прокомментировал коллежский советник.

– Я пока остаюсь в «табуретной кавалерии»⁷, но хочу перевестись в армейскую. Чтобы не привлекать лишнего внимания. В Военном министерстве никогда не появляюсь, бумаги мне доставляют на квартиру. Лишь сегодня для вас сделал исключение.

– Понимаю и ценю. Вы успели уже развернуть наблюдение? За кем в первую очередь? В деле, которое нам с вами поручено дознавать, меня интересуют, конечно, германцы.

– Само собой! – ответил ротмистр. – Мы тоже с них начали, с окаянных. Главным немецким резидентом в столице является граф Гельмут фон Люциус. Официально он советник посольства, а на деле обер-шпион. Ближайшие помощники тоже графья, один фон Берхем, а второй фон Притвиц. Уж не знаю, почему лезут в шпионское ремесло титулованные особы, но факт. Еще активны военный агент майор фон Эггелинг и морской – капитан цур зее фон Шиммельман. Этот, правда, не граф, а только лишь барон.

– Именно Шиммельман проболтался в письме об убийстве доктора Филиппова. Ваши люди перехватили рапорт?

Тут впервые в разговор вступил поручик Олтаржевский:

– Нет, господин коллежский советник, ваши. Из Почтамтского переулка.

Лыков, как весьма осведомленный человек, понял, о чем речь. В пристройке к зданию Петербургского почтамта, на третьем этаже находился «черный кабинет». Там особо подготовленные люди занимались перлюстрацией. В частности, вскрывалась дипломатическая почта тех держав, которые интересовали власть.

– И морской агент так неосторожно написал о секретной операции в обычном письме?

Ответил снова поручик:

– Он понадеялся на дипломатическую вализу с печатями. Но у Мардарьева есть печати всех посольств.

Статский советник Мардарьев служил старшим цензором почтамта и заведовал всей перлюстрацией в столице. Но откуда столь засекреченное имя известно скромному поручику?

Будто подслушав этот вопрос, Таубе пояснил другу:

– Существует пять заказчиков на товар. Знаешь, кто?

– Один – это мы, Департамент полиции, – стал загибать пальцы Лыков. – Второй – министр внутренних дел, у него свой список. Третий – министр иностранных дел. Четвертый... ну, ты понимаешь.

⁷ «Табуретная кавалерия» – ироничное самоназвание жандармов. ОКЖ считался кавалерийской частью, хотя большинство его состава занималось политическим сыском.

Четвертым адресатом меморандумов⁸ был государь, но сыщику не хотелось говорить об этом вслух.

– О нем умолчим, – согласился Таубе. – Но есть и пятый.

– Это ты?

– Да, на правах заведывающего военной разведкой. Запечатанные конверты поступают к генерал-майору Целебровскому, начальнику военно-статистического управления. Там их изучает поручик Олтаржевский и сообщает мне то, что заслуживает внимания. Именно Мариан Ольгердович обнаружил упоминание о смерти Филиппова.

Лыков повернулся к ротмистру Лаврову и продолжил расспросы:

– Шпионы известны, я понял. Но вы взяли их под наблюдение?

– Не всех, – ответил тот и развел руками: – Отделению без году неделя, штаты недостаточны, ассигнования задерживают. Я понимаю, что мои слова звучат как оправдание, эдак по всей державе, но... Что вы хотите?

– Я хочу понять, в какой мере могу рассчитывать на вашу помощь.

Бывший жандарм задумался, потом спросил:

– Кто вас более всего интересует? Барон Шиммельман?

– Да. Но если он лицо, подчиненное главному резиденту, то и резидент тоже.

– Граф Люциус... – ротмистр даже вздохнул. Чувствовалось, что проклятый немец уже сидит у него в печенках. – Хитер, сволочь. Никак к нему не подступимся. Дворника подвели своего, ну так то лишь дворник. Пытались лакея – не принял. И дом себе выбрал такой, что наблюдение не поставишь, все на виду. Извозчик у графа особенный, прикормленный, большие деньги гребет. Зато возит так, что от наших людей вихрем улетает. Совсем не патриот, совсем. Пытались завербовать – в лицо смеется. Откуда такой взялся? Мы уж подумываем, не сломать ли ему в «случайной» драке ребра, в интересах государственной безопасности. Тьфу!

– Владимир Николаевич, на что я могу рассчитывать? – не стал входить в трудности контрразведки сыщик. – Агентура немцев вам неизвестна? Способы связи? А письмо перехватить не пытались? Из тех, что посылают окольными путями.

– Граф Люциус дипломатической почтой не пользуется, – пояснил Лавров. – Это морской агент наивен, резидент не таков. Мы знаем, что секретную почту от Люциуса возит в Германию некий Кольбе, капитан парохода «Обер-бургомистр». Так-то это рядовой пароход, он делает регулярные рейсы между Петербургом и Штеттенем. Кольбе – почтальон их военной разведки, офицер запаса. Он же связной, через него Люциус передает команды своей агентуре в Риге. Здешняя агентура графа нам неизвестна. Он назначает тайные встречи одному чиновнику из Главного интендантского управления. Между прочим, начальник отделения, действительный статский советник! И еще на подозрении коллежский секретарь из Департамента торговли и мануфактур. Но действуют оба осторожно. Мы подставили им свою прислугу. Теперь читаем бумаги, наблюдаем посетителей и водим по городу. Результата пока нет.

– Понятно, – вздохнул Лыков. – Тогда просьба: если результаты появятся, не замедлите сообщить. А я начну копать с другого конца.

– С какого? – оживились ротмистр с поручиком.

– Охранное отделение держало покойного Филиппова под наблюдением. Вот, посмотрите.

Сыщик выложил на стол бумаги из дела ученого.

– Я оставляю их вам на сутки, можете сделать копии необходимых документов. Важны две вещи. Первое: в материалах наблюдения могут фигурировать немецкие агенты. Ведь кто-то забрал архив и передал его германцам. Значит, этот человек был вхож в дом, возможно, он участвовал в опытах.

⁸ Меморандумом на эзоповом языке официальной переписки называли извлечения из вскрытой корреспонденции.

– Что за опыты? – тут же встрепенулись военные.

– Пока не знаю. Есть лишь вот это письмо в газету, крайне интересное.

Контрразведчики прочитали послание Филиппова в «Санкт-Петербургские ведомости» и опешили. Таубе недоуменно потряс головой:

– Алексей, это точно не шутка? Новое, неизвестное ранее оружие огромной разрушительной силы? И оно теперь у германцев?

– Я не знаю, – ответил сыщик. – Дознание только начато, вопросов полно, а ответов пока нет.

– А Филиппов ваш не полоумный фантаст? – спросил Олтаржевский. – Или просто заблуждающийся. Что такое он мог изобрести, чтобы прекратить войны? Гениальный ученый-одиночка... Тема для плохого романа!

– Это нам с вами и предстоит узнать, – осадил поручика Лыков. – Я зайду через охранное отделение, узнаю, что есть на покойного у них. А вы, господа, подумайте вот над чем. Нужна экспертиза изобретения Филиппова. Если даже бумаги уже в Германии, кто-то в курсе его идей. Ассистенты, коллеги-ученые, друзья. Но я сам сыщик, треххлористый азот от хлорки не отличу... У вас найдутся компетентные люди? Весь архив забрать не могли, Филиппов ведь много лет издавал научный журнал. Что-то да осталось. Когда мы отыщем бумаги, потребуется грамотное заключение: оружие там или бред сумасшедшего.

– Треххлористый азот – это маслообразная жидкость, – сказал вдруг Олтаржевский.

– И что? – не понял Лыков.

– А хлорка – порошок. Так что отличите.

– А вы откуда знаете про маслообразную жидкость?

– Я закончил физико-математический факультет Варшавского университета.

Коллежский советник повернулся к генерал-майору:

– Вот он и будет отвечать внутри нашей тройки за связь с учеными.

Тот согласно кивнул:

– Да, надо поделить обязанности. Дело, которое нам поручили, на контроле у самого государя. Между нашими ведомствами не должно быть соперничества. Каждый обязан делать то, что у него получается лучше других. Какой Алексей Николаевич сыщик, я знаю. Можете мне поверить, господа офицеры, что выдающийся. За германскими шпионами следит ротмистр Лавров, для этого и создали его службу. А поручик Олтаржевский действительно пусть поищет следы идей Филиппова в ученой среде. Изучит его репутацию среди коллег. Статьи в научных журналах – может быть, он там проговорился о своем изобретении. Схожие идеи у других исследователей, в том числе иностранных. Мариан Ольгердович, кстати, знает пять языков... Следующую встречу предлагаю устроить завтра на Таврической. Иначе мы расконспирируем Владимира Николаевича. Докладчик – Алексей Николаевич, он расскажет нам, что узнал важного в охранном отделении. Согласен?

– Согласен, – ответил коллежский советник. – Надо спешить, дело серьезное. Если Филиппов не фантазер, а действительно что-то изобрел... И германцы это сперли... Тогда безопасность России не гарантирована. Вот так, господа. Не больше и не меньше.

На этом совещание закончилось. Офицеры ушли, друзья остались вдвоем. И Лыков задал вопрос, который давно хотел задать:

– Ты уверен в своем поручике?

– Да. А что тебя смущает? То, что он поляк?

– Конечно.

– Леш, ты вроде бы не националист. Откуда такие мысли? Вспомни, в Варшаве тебе разве не попадались порядочные люди?

– Попадались, и даже часто. Но согласись, что большинство панов не любят нас и мечтают о независимости польского народа. И на шпионстве мы их часто ловим. А тут – ввести поляка в военную разведку.

Таубе невесело улыбнулся:

– Вот я тебе сейчас расскажу историю. Полгода назад на месте Олтаржевского служил другой офицер, штабс-капитан Гришин. Русский, из дворянства, православный – хоть сейчас к славянофилам его помещай как образец. Гришин состоял в Особом делопроизводстве. Оно занимается всеми вопросами, что касаются заграничных интересов Военного министерства. А еще там копяты остатки сумм по исполнению сметы Главного штаба. То, что не успели израсходовать – такое бывает даже у нас, хотя сметы всегда недостаточны.

– Я понимаю, продолжай.

– Так вот. По окончании года составляется доклад на Высочайшее имя, в котором министр испрашивает разрешения о переводе этих сумм в распоряжение начальника штаба. Для использования их на непредусмотренные расходы...

– Что еще за непредусмотренные расходы? – уточнил Лыков.

– Это, Леш, те самые деньги, которые мы тратим на разведку.

– Покупаете военные секреты?

– Да. Платим шпионам, подкармливаем агентуру.

– Большие там суммы?

– Обычно по итогам года остается тысяч сто – сто двадцать. Это весь наш секретный бюджет. У немцев он в пятьдесят раз больше.

– Ясно...

– Сам понимаешь, операция эта не совсем законная с точки зрения Государственного контроля⁹. Неоприходованные суммы должны сдаваться обратно в казначейство, а отнюдь не оставаться в распоряжении Главного штаба. На этом штабс-капитан Гришин и построил свой расчет.

Сыщик насторожился. По лицу барона пробежала брезгливая гримаса, и он продолжил:

– Суммы эти тратились так. Если нужно военному агенту, например во Франции, кого-нибудь подкупить, он обращался с рапортом к генералу Целебровскому. Тот проверял обоснованность заявки... Хотя, чего там! Никогда Виталий Платонович ничего не проверял в силу своей легкомысленности, а просто подписывал бумагу на имя казначея Главного штаба. Кто-то из офицеров Особого делопроизводства относил ее адресату и получал деньги.

– И Гришин провернул такой финт? – не поверил сыщик. – Подмахнул у генерала письмишко и получил сумму себе в пользование?

– Именно так.

– И много взял ваш православный человек?

– Почти все, что было. Сто тысяч с мелочью.

– Вот скотина! Но почему его не раскрыли?

Таубе поморщился:

– Никому и в голову не пришло, что офицер Главного штаба способен на такое. Много лет он носил записки казначею, получал суммы и сдавал их, как полагается. А в этот раз Гришин подготовился. Написал бумагу на сто тысяч, положил ее на стол Целебровскому. Тот не глядя подмахнул. После этого штабс-капитан хапнул деньги и тут же подал в отставку. И уехал на родину, куда-то на Урал. Когда снова понадобилась наличность, уже по настоящей потребности, Целебровский подписал отношение, а ему казначей говорит, что средств в шкафу больше нет! Генерал все забрал. Тогда только и вскрылся обман Гришина. Вышел скандал, но тихий.

⁹ Государственный контроль – ведомство на правах министерства, которое следило за исполнением бюджета.

Знают о нем лишь несколько человек. Ведь Гришина в тюрьму за это не посадишь и деньги украденные не отберешь.

– Но почему?

– А потому. Я же тебе объяснял. Куропаткин подводил государя, вовлекая его в нарушение закона. Как он теперь сознается в этом Его Величеству?

– И что, спустили все отставному штабс-капитану?

– Да, – подтвердил барон. – Пришлось съесть. Гришин теперь богат и не наказан за свою подлость.

– Для чего ты мне это рассказал?

– Для того, Леш, чтобы ты понял: русская фамилия еще не гарантирует порядочности. Олтаржевский – поляк и католик. Но он приличный, я ему верю.

– Смотри не обманись, – пробормотал Лыков.

– Уверен, что Мариан Ольгердович будет достойно служить. И тебе, лапотнику, станет полезным помощником. Но если ты дашь ему понять о своих подозрениях, сотрудничества меж вами не получится. Осознаешь это?

– Да осознаю... А что, он действительно знает пять языков? И пошел в армию после университета?

– Все правда.

– Мне нужен в дознании образованный человек. Тут наука, я в ней ноль без палочки. Знаешь, как называлась диссертация Филиппова? Сейчас прочитаю, погоди... Вот. «Инварианты линейных однородных дифференциальных уравнений». Ни одного слова не понимаю! Как же я буду искать убийц?

– Олтаржевский тебе поможет, – успокоил друга генерал-майор. – Но только в том случае, если будешь ему доверять.

Друзья расстались, и сыщик отправился на набережную Мойки, 12. В этом здании, где когда-то жил и умер Пушкин, теперь находилось Петербургское отделение по охране общественной безопасности и порядка. Лыков размышлял над иронией судьбы, пока добирался до места. Предварительно он телефонировал начальнику отделения подполковнику ОКЖ Сазонову. Кроме судьбы, ему было еще над чем подумать. Сазонов пришел на ответственную должность недавно. Ранее он служил помощником начальника Московского охранного отделения, того самого Зубатова, который сейчас руководил в Департаменте полиции Особым отделом. И по должности курировал все охранки империи. Правильно ли он, Лыков, делает, обращаясь напрямую к подполковнику? Не следовало ли сначала получить на это разрешение от Сергея Васильевича? Но Филиппова непосредственно вели люди из ПОО, Петербургского охранного отделения. У Зубатова много дел, он всего не упомнит. О поручении Плеве надворный советник знает, сам вручил Лыкову те бумаги, что есть в департаменте. А Сазонов ближе к нужным сведениям, ему и карты в руки.

Ладно, решил сыщик, будь что будет. Он служил в Департаменте полиции уже более двадцати лет. И был в своей области незаменим – или ему так казалось. Новые люди, которые появились при Плеве и Лопухине, раздражали стариков. Но тот же Зубатов – выдающийся мастер политического сыска, глупо это отрицать. Пусть он дуется на Лыкова, как мышь на крупу. Если умный – а он умный, – то быстро успокоится. Если амбиции возьмут верх, ну и черт с ним.

Кроме того, в кармане у коллежского советника лежал открытый лист за подписью самого Плеве. В нем все чины МВД обязывались помогать Лыкову в исполнении возложенного на него министром особого поручения. Сильная бумага!

Сазонов принял гостя настороженно. Сутулый, напряженный, весь какой-то заскорузлый, он ничем не напоминал своего знаменитого начальника. Подполковник происходил из донских

казаков. В последнее время донцы заполонили ОКЖ и составили в нем влиятельную партию. Недалекие, но бойкие, они оттирали других и тащили друг дружку наверх.

– Здравствуйте, Яков Григорьевич! Вот и до вас добрался, уж извините, что отрываю.

– Служба есть служба, Алексей Николаевич. Я весь внимание. Что за дело уголовному сыску до наших политиков?

Лыков предъявил подполковнику открытый лист. Тот нахмурился еще больше:

– Даже так? Излагайте.

– Двенадцатого июня в Петербурге умер редактор журнала «Научное обозрение» Филиппов.

Жандарм напрягся, по лицу заходили желваки. Что-то тут не то, подумал сыщик и продолжил:

– За день до смерти он послал в столичные «Ведомости» необычное по содержанию письмо. Вы его читали?

– Это про оружие, которое Филиппов якобы изобрел? Тогда читал.

– Что вы думаете о письме и вообще о возможности создания такого оружия?

– Да смешно слышать, Алексей Николаевич! Что вы, право слово... Филиппов ваш – никакой не ученый, а журналист. Как это сейчас называют: популяризатор науки. То есть сам ничего не знает не ведает, а пересказывает русскими словами весь ученый бред.

– Откуда такая уверенность? – усомнился коллежский советник.

– Да поглядите хоть на его журнал. Обо всем помаленьку, и все с подковыркой. Печатал он у себя противников существующего строя, эмигрантов и даже террористов! Веру Засулич ту же и Плеханова-Бельского.

– Яков Григорьевич, я же вас спрашиваю не об этом. Не о политических взглядах Филиппова, они понятны. А вот какой ранг он имел в науке? Мог по своему умственному потенциалу изобрести новый, чрезвычайно опасный способ истребления людей?

Подполковник пожал плечами:

– Не ко мне вопрос. Но по моему разумению, где ему... Был я у Филиппова в кабинете, после того как все случилось. Просматривал библиотеку, статейки его листал. Обо всем писал покойник, на любую тему. Разве так бывает? Хошь по философии, хошь по химии с физикой, хошь по экономике этого... как его?

– Маркса?

– Да, Маркса. Такие всеядные ничего стоящего создать не могут. Только болтать, и все равно о чем.

– Понятно. Вы сказали, что приезжали в дом на Жуковского в день смерти. Почему? Потому что хозяин был крамольник?

– Да, именно поэтому. Филиппов много лет состоял под надзором полиции. Иногда под гласным и всегда под негласным. И, признаться, доставлял нам много хлопот.

– Почему, Яков Григорьевич? Вы только что сказали, что он был болтун. У нас полстраны таких, каждый интеллигент норовит лягнуть правительство.

– У этого в руках был журнал, – пояснил начальник охранного отделения. – Он влиял на умы, совращал молодежь.

– Пусть так, – согласился Лыков. – Расскажите, пожалуйста, о проведенном дознании. Вы ведь дознавали его смерть? И пришли к выводу, что она наступила от естественных причин?

Сазонов покосился на циферблат настольных часов, вздохнул и начал свой рассказ:

– Значит, так. Одиннадцатого вечером доктор Филиппов заперся у себя в кабинете для очередного опыта...

– У него в квартире была лаборатория? – удивился коллежский советник.

– Точно так. А что тут странного?

– Опыты Филиппова, по его собственным словам, были связаны с взрывоопасными и ядовитыми веществами. Как же он не боялся за домашних?

– Черт их знает, революционеров этих. Но не боялся. Самая большая из комнат была у него отведена под лабораторию. Так о чем уж я?

– Что он вечером заперся, – напомнил Лыков.

– Да, точно. Домашним своим сказал, чтобы до полудня его не беспокоили. Мол, ляжет поздно, должен поспать.

– Часто наш ученый так поступал?

– Часто, поэтому никто не удивился. Ну, утром вся семья встала, ходят на цыпочках, чтобы не разбудить папашу. Из кабинета ни звука, значит, спит. Дождалась супруга, как было велено, полудня и пошла будить мужа. Стучит-стучит, а тот не отпирает. Ну, она забеспокоилась. Кликнули слесаря замок ломать, но тут уже мы подоспели...

– Как вышло, что охранный отдел узнал об этом так быстро?

Подполковник довольно покрутил ус:

– У меня служба поставлена!

– Наблюдение сработало? Кого вы к нему подвели, дворника?

– Точно так. Как пошел шум по подъезду, что дверь у Филиппова открыть не могут и надо слесаря звать, дворник нам тут же телефонировал. Поэтому, когда явился слесарь с инструментами, мы уж его дожидались...

Лыков перебил жандарма:

– Охранное отделение может войти в жилище лишь в сопровождении общей полиции. Кто с вами был в то утро?

– Не утро, день уже шел. Второй час пополудни. А из полиции явились пристав Второго участка Литейной части подполковник Лесников и частный врач¹⁰ статский советник Решетников. Ну, сломали дверь и вошли. Лежал он на полу возле лабораторного стола, ничком. В одном жилете без сюртука. Холодный уже. Крови под ним немножко натекло...

– Отчего кровь? Была рана? Куда и чем?

Сазонов объяснил:

– Филиппов, когда упал, ударился об угол стола. Вот тут, где скула.

– Точно сам, а не ударили его?

– Точно, Алексей Николаевич. И я внимательно разглядел, и доктор все вокруг обползал. Сам оцарапался, когда рухнул. Видать, смерть наступила мгновенно: упал, где стоял. Да и дверь заперта была изнутри на ключ.

– Ну, опытный человек снаружи щипцами повернет, и не подкопаешься.

Жандарм задумался над этой фразой, но быстро возразил:

– Нет, тут все сходится. Один он был, жена подтвердила. Никто ночью не приходил, она бы услышала.

– Хорошо, продолжайте.

– Ну, Решетников осмотрел труп и велел отвезти его на вскрытие. А мы опечатали бумаги, разобрали оборудование, что было на столе, и доставили сюда. Полистали бумаги и ничего стоящего не обнаружили. Вот, пожалуй, и все.

– Я должен увидеть архив Филиппова.

– Сейчас распоряжусь. Там немного, я думал, больше будет. У этой интеллигенции писательский зуд, им все кажется, что без их поучений страна заплутает.

– А лабораторное оборудование где?

Тут подполковник удивил сыщика:

– Да мы его уж выбросили.

¹⁰ Частный врач – врач полицейской части.

– Как выбросили? Отчего?

– А пока разбирали, все взмокли. Железки всякие, линзы, колбы, реторты... Привезли сюда и собрать обратно уже не сумели. Черт там ногу сломит! Наука, а у нас в отделении ученых таких нет. Вот и выкинули как хлам. Но все описали и запротоколировали.

Лыков не верил своим ушам:

– Вы разгромили лабораторию Филиппова?

– Говорю же, так вышло. Оборудование надо было увезти из квартиры, чтобы изучить. Мало ли что этот смутьян изобретал? До меня доходили сигналы, что он готовит какие-то опыты, связанные с передачей на расстояние энергии химических взрывов. Вдруг это для бомбистов? Не мог же я оставить лабораторию в кабинете. Приказал вынести в том виде, в котором она была на столе, так стол в дверь не пролезал! Другого способа не было, кроме как разобрать. Не бросать же приборы. Бомбисты шасть следом за нами, и унесли бы лабораторию с собой.

– И вы ее сломали.

– Да! – подполковник даже вскочил и замахал волосатыми руками. – Моя задача была не дать использовать оружие – если оно оружие – террористам. И я эту задачу выполнил.

– Ваша задача шире, чем вы думаете, – попробовал вразумить жандарма сыщик. – Если то было оружие, в интересах правительства изучить его и поставить на защиту Отечества. А вы? С кем был согласован ваш вандализм?

– С Сергеем Васильевичем.

– Сергей Васильевич Зубатов всего-навсего надворный советник. Не ему единолично решать такие вопросы! Он согласовал это с руководством?

Сазонов смешался:

– Я полагаю, что да...

– С кем именно?

– Алексей Николаевич, вы уж у него сами об этом спросите. Для меня Зубатов – управляющая инстанция. Он приказал – я исполнил.

– Да... Вы хоть сфотографировали аппарат Филиппова?

– В штате охранного отделения нет выездного фотографа. Мой помощник ротмистр Герарди зарисовал аппарат... приблизительно.

Лыкову захотелось рявкнуть во весь голос. Два убогих жандарма сгубили то, что германский генеральный штаб счел угрозой безопасности страны. И что теперь с них взять? То, что они выполняли приказ Зубатова, ничего не меняло; загадочный аппарат был утрачен.

– А научные статьи где? Где лабораторные журналы?

– Сейчас принесут все, что было, – засуетился подполковник и кликнул секретаря. Скоро перед Лыковым положили стопу бумаг, частью машинописных, частью рукописных. Он бегло их пролистал и отложил.

– Я забираю у вас весь архив доктора Филиппова. Пусть пока сделают опись.

– Слушаюсь.

– Но уже сейчас ясно, что архив неполон. Убитый был серьезный ученый, он много лет вел эксперименты. В том, что мне показали, нет ни одной его статьи, только рукописи для «Научного обозрения» и несколько частных писем. Где все остальное?

Сазонов завелся:

– А почему вы считаете, что есть какое-то там остальное? Мы увезли все, что нашлось в квартире. И прибыли на место самыми первыми, никто не мог нас опередить. Алексей Николаевич, извольте объясниться. Мне совсем не нравятся ваши упреки. Я вам ни по какой линии не подчиняюсь. Скажите, что произошло на самом деле? Почему смерть этого журналиста от науки так вас заинтересовала?

– Не меня, а двух министров, военного и внутренних дел. А теперь еще и государя.

– Государя? – опешил жандарм. – С каких пор?

Лыков рассказал ему о перехваченном письме германского агента. Не упомянув, что для этого пришлось вскрыть дипломатическую почту... Сазонов удивился, но как-то чересчур вяло. Будто знал или догадывался о случившемся.

– Филиппова убили немецкие шпионы? Полноте. Мы в свою очередь тоже за ними присматривали. Никаких встреч, никаких таких подозрительных людей вокруг него не было. Хотя...

– Что хотя? – насторожился сыщик.

– Сейчас, после того как вы сказали про колбасников... Есть два момента.

– Слушаю вас, Яков Григорьевич. Дайте хоть какую зацепку.

– Во-первых, Филиппов учился в Германии. И не только в Гейдельберге всяким там дифференциальным уравнениям. Но и у крупнейшего ихнего химика Мейера. Состоял с ним в переписке, обменивался научными работами. А химик тот – специалист по взрывчатке! Ну и... может, сболтнул ему наш по-дружески. А там приняли всерьез.

– Логично. А второй момент?

– Второй момент, что аппарат ему делали в Риге на каком-то заводе. А они там все немецкие. Понимаете?

– Так-так... Правильно рассуждаете, подполковник. Думаете, был другой источник утечки?

– Конечно. Германские инженеры сделали ему аппарат по представленным чертежам и тут же сообщили об этом в свой генштаб. Там всполошились, дальше понятно что. Но как они это провернули? Как убили человека, русского подданного, в столице, так, что никто не догадался? Решетников не аматер¹¹, опытный врач...

– Будем разбираться. Распорядитесь, чтобы принесли акт дознания.

Секретарь принес дело, заведенное охранным отделением по факту смерти Филиппова. Лыков открыл его и сразу же обнаружил странности.

– Яков Григорьевич, а это что такое?

– Где?

– Да вот, сверху лежало. Заключение вольнопрактикующего врача Полянского. Пишет о том, что обследовал труп, а насчет причин смерти указывает: «Mors ex causa ignota». В переводе с латинского – «Смерть по неизвестной причине». Вы же мне говорили, что явились первыми, еще до того как взломали дверь. С Решетниковым. А Полянский что за персонаж?

Подполковник был сконфужен:

– Ах да. Сейчас я припоминаю. Илиодор Платоныч, Решетников то есть, прибыл не сразу, а маленько опоздал. И вдова вызвала своей волей этого эскулапа в синих очках. Тот нюхал-нюхал, да ничего не унюхал.

– В каком смысле?

– Ну, крутился вокруг трупа, склянки смотрел, палец туда засовывал... И ничего толкового так и не сказал. Только деньги взял, подлец.

– А Илиодор Платонович быстро поставил диагноз?

– Нет, – после короткой заминки ответил жандарм. – А ведь вы правы, Алексей Николаевич... Я, признаться, не придавал тогда значения. А сейчас, после ваших слов, думаю: подозрительно.

– Что подозрительно, подполковник? Выкладываете, почему из вас надо все клещами тащить?

– Решетников тоже затруднился сразу дать заключение. Тело отвезли в морг Литейной части. А спустя сутки тот же Илиодор Платоныч приказал переправить покойника в Мариинскую больницу. Уже там он сделал вскрытие и определил, что у Филиппова произошел пара-

¹¹ Аматер (от франц. amateur) – любитель, дилетант.

лич сердца вследствие органического сердечного порока. Но с ним не согласился полковник Гельфрейх и дал собственное заключение...

– Погодите. Кто такой Гельфрейх?

– Делопроизводитель Главного артиллерийского управления, – пояснил Сазонов. – Мы привлекли его в качестве эксперта тех опытов, которые проводил покойный Филиппов.

– И что он заключил?

– Он выдвинул свою версию. Будто бы смерть ученого произошла от отравления парами синильной кислоты.

– Каким образом полковник смог это определить? – удивился Лыков. – Он специалист по ядам?

– Нет, по взрывчатым веществам.

– Зачем же вы его призвали?

– Запросили военных, и те прислали Гельфрейха.

– Яков Григорьевич, – медленно, чуть не по слогам, произнес сыщик. – Как специалист по взрывчатым веществам мог дать заключение насчет причин смерти? Если взрыва не было...

Жандарм в очередной раз пожал плечами:

– Вот и я удивился. Пытался убедить Гельфрейха, что тот ошибается. Но он настаивал на своем. Потребовал, чтобы это его особое мнение было занесено в протокол. И даже заявил, что имело место самоубийство!

– Совсем рехнулся? Прощальной записки нет, человек упал как подкошенный. Откуда вдруг самоубийство?

– Надо у него спросить, Алексей Николаевич. Я, признаться, и значения не придал. Имеется заключение Решетникова. Тот уважаемый человек, частный врач, доктор медицины. Что мне слова артиллерийского полковника? Тьфу и растереть.

– Но на чем-то тот строил свои заключения! Полковник осмотрел лабораторию?

– Ну, не саму ее, а то, что осталось после доставки в отделение. Вот, извольте ознакомиться с собственноручным рапортом Гельфрейха.

Лыков взял лист бумаги и зачитал вслух:

– «...В числе вещественных доказательств найден каменный котелок с какой-то солью и жидкостью. Если эта соль – желтая соль, а жидкость – разведенная серная кислота, то не может быть сомнения в том, что эта операция велась М. Филипповым исключительно с целью самоотравления». М-да... Ваш эксперт определенно идиот. Что именно было в котелке, он достоверно не выяснил. Решил, что это серная кислота. Почему не другое? И притянул сюда самоубийство. То есть из одного спорного предположения вывел второе, тоже спорное. И потом, если в котелке была серная кислота, откуда тогда взялась синильная, парами которой якобы надышался доктор? Гоните в шею такого эксперта!

Сазонов промолчал. Коллежский советник подумал и спросил:

– Был ли в кабинете вытяжной шкаф?

– Был. С электрическим вентилятором, германский! Я еще подумал: мне бы в кабинет такую штуку. А то, знаете, летом бывает жарко.

– Тогда тем более не мог покойный ничем надышаться. Шкаф тоже сломали?

Подполковник кивнул:

– Точно так. Вентилятор я прибрал... Желаете посмотреть?

Сыщик вздохнул, стал складывать в папку бумаги.

– Беру с собой. Начну разбираться в ваших домыслах по новой. Опись архива составили?

– Наверняка.

– Яков Григорьевич, а теперь дайте мне донесения ваших осведомителей, которые наблюдали Филиппова.

Подполковник в очередной раз смутился:

– Но...

– И устройте мне с ними встречу.

– Господин Лыков! Алексей Николаевич! Вы же знаете не хуже меня, что это строжайше запрещено инструкцией.

– Господин подполковник, с инструкцией я знаком. А вы знаете характер нашего с вами министра? Я веду дознание по делу, которое находится на контроле у государя. Открытый лист вы видели, там все написано. Про полное содействие – читали?

– Ну читал.

– Вот и окажите его. Если я доложу Вячеславу Константиновичу, что вы препятствуете дознанию, представляете, что с вами будет?

– Разрешите испросить согласие на это у надворного советника Зубатова, – встал и вытянулся жандарм.

– Не вижу необходимости. Можете известить его о том, что вынуждены выполнить категоричное требование коллежского советника Лыкова. Я с Сергеем Васильевичем говорил о своем дознании, он в курсе дела. И, как умный человек, давно сообразил, что я в первую очередь приду сюда. Он ведь вам телефонировал?

– Да.

– И предупредил, что я обязательно заинтересуюсь рапортами внутренних осведомителей. Так?

– Да...

– И сказал: постарайтесь не выдавать сотрудников, авось Лыкову хватит их бумаг. И вообще, тяните до последнего.

– Вы что, подслушивали наш разговор? – вспыхнул подполковник.

– Это просто логика, Яков Григорьевич. Так что санкцию от Зубатова вы уже получили. Кончайте ваш спектакль, надоело. Времени жалко.

Сазонов вытащил из стола еще одну папку. Сыщик отметил про себя, что она была приготовлена заранее.

– Вот. Здесь рапорты секретного сотрудника под кодированным именем Химик. Он был внедрен нами в самое близкое окружение Филиппова два года назад.

– Как настоящее имя Химика?

– Финн-Енотаевский Александр Юльевич.

– Давно он у вас на связи?

– Давно, – вздохнул подполковник. Он смирился наконец с требованием сыщика и принялся рассказывать подробно: – Настоящее его имя – Аба Иоэлевич Финн, он жид из Ковно. Затесался в революционную деятельность в Москве, создал там марксистский кружок. Ну, взяли мы его в девяносто шестом. Я тогда только-только пришел в Московское охранное. Вел его сам Сергей Васильевич и привел к откровенному признанию. А потом и завербовал. Факт вербовки, понятное дело, мы скрыли. Аба получил два года ссылки в Енотаевск Астраханской губернии, а название городишки потом взял себе как революционный псевдоним.

– Вы дали своему агенту два года ссылки? – удивился Лыков.

– А куда деваться? – ответил вопросом на вопрос собеседник. – Иначе все бы поняли, что он предатель. И без того Аба получил минимальный в сравнении с прочими срок, и на него косились. Разговоры об измене шли. Вы же знаете, как товарищи к этому относятся: всегда всех подозревают, ведут собственные дознания... Еле-еле Химик вернул доверие.

– Как он оказался в Петербурге, да еще в окружении Филиппова?

– Мы велели. Филиппов был настоящий враг правительства, непримиримый. Но тайный. Дело не только в статьях Плеханова или Засулич, которыми он заполнял свой журнал. Черт бы с теми статьями. Он читал лекции, а деньги от них передавал социал-демократам. Вел пропа-

ганду среди интеллигенции, среди наших ученых. Самого Менделеева совращал! К Толстому ездил и пытался обратить его в социал-демократическую веру.

– Даже к Толстому? И что, неужели обратил?

– Зря смеетесь, Алексей Николаевич. Нету тут ничего смешного. Вокруг нас много либеральных болтунов. Они, конечно, раздражают правительство, но болтуны не опасны. Как говорят на востоке, собака лает, а караван идет. Не то Филиппов. Он тайный и активный член социал-демократической партии. Выполняет их поручения, помогает средствами. Может, и оружие он создавал по заданию революционеров? Представляете себе последствия, если бы террористы получили к нему доступ?

– То есть вы знали про аппарат Филиппова? – поймал жандарма на слове Лыков.

– Знал, конечно. Он не скрывал, чем занимается.

– Почему же не прекратили эти опасные изыскания?

Сазонов вздохнул и потер макушку. Помолчал, потом с тоской в голосе пояснил:

– Я выходил к начальству с предложением. Не одобрили.

– Чем объяснили?

– Ну, во-первых, какие у нас основания пресечь научную деятельность известного ученого? Во-вторых, видимо, хотели дать ему довести эксперименты до конца, а там все забрать. Мне поручили наблюдать и не запоздать с сигналом.

– Что пора арестовывать?

– Конечно. Представляете, какая ответственность? Вдруг я упущу момент? И оружие попадет в злонамеренные руки. Признаться, когда Филиппов отдал богу душу, я даже обрадовался. И аппарат его сломал не без умысла. Пусть уж никому не достанется это чертово изобретение! Хотя, повторюсь: я считаю, что ничего подлинно опасного доктор натурфилософии изобрести не мог. Сейчас над такими вещами трудятся целые институты и секретные правительственные лаборатории. На изыскания требуется прорва денег, это по карману лишь государству. Вон у германцев вся наука служит военному министерству. А тут одиночка. В кабинете площадью десять квадратных саженей. Без средств, без помощников, все на живую нитку... Видели бы вы его аппарат! Три железки и какие-то линзы – вот и все. Какое из этого могло выйти оружие? Да еще чтобы остановить войны на планете. Чушь!

Сазонов перевел дух. Коллежский советник спросил:

– А если это был гениальный одиночка? И он действительно изобрел оружие страшной разрушительной силы?

– Тогда тем более я прав. Сломать лабораторию, сжечь все его бумаги, предать имя забвению.

– Ход науки не остановить. Завтра кто-то другой откроет это заново. Но у нас не осталось разработок ученого, чтобы получить фору в состязании с теми же германцами.

– Все равно я прав, – упрямо заявил подполковник. – И государь наш одобрит мои действия. Он пацифист, против войны. Вспомните, кто организовал Гаагскую мирную конференцию. Филиппов был наивный утопист. Так это называется? Он полагал, что если изобретет нечто до него невиданное, то войны от этого сразу прекратятся. С чего вдруг? Соперники бросят все силы на то, чтобы заполучить такое же оружие. Никаких денег не пожалеют и добудут. Представьте себе, что наше Военное министерство завладело изобретением покойника. И довело его до работающего образца. Долго после этого оно будет оставаться тайной для германцев или англичан? Купят кого надо с потрохами, купят и заведут у себя то же самое и даже сильнее.

– Вы правы, я сам в последнее время думаю о том же, – согласился с жандармом сыщик. – Утопист, согласен. Он полез не в свое дело. Тут такие силы замешаны... Большая политика, европейская война, власть в Европе на кону. Кто бы ему дал диктовать свои наивные требования...

– Вот! И я об этом, Алексей Николаич. Рад, что мы поняли друг друга.

– Яков Григорьевич, однако один вопрос все равно остается. Лаборатория Филиппова уничтожена безвозвратно. Но результаты его исследований – где они? У вас бумаг кот наплакал, на архив ученого не тянет. А в перехваченном письме германского агента сказано, что документы переправлены в Берлин. Откуда они взялись, если вы прибыли на место происшествия первыми и все забрали?

Сазонов опять пожал плечами. Похоже, это было его любимое телодвижение...

– Ума не приложу. Дворник сообщил тут же, как узнал. Мы приехали через полчаса. Дверь была заперта изнутри, в комнате ничего не тронuto, никаких следов обыска. Хотя...

– Что?

– Разве вот у жены что-то осталось? В спальню мы, конечно, не заходили.

– И не говорили с ней о бумагах?

– Алексей Николаевич, вы же понимаете, в каком она была состоянии. Лишиться мужа, внезапно. Остаться без средств. Да еще на последнем месяце беременности! О чем можно было говорить тогда с несчастной женщиной?

– Понятно. Я сам побеседую с ней.

– А...

– А вам, разумеется, сообщу о результатах.

– Буду обязан!

Пока доделывали опись, Лыков продолжил изучать бумаги. Его заинтересовал лист, запись на котором была оборвана. Сазонов глянул на него и пояснил: это лежало на лабораторном столе ученого. Последнее, что успел записать Филиппов перед смертью...

На четвертушке почтовой бумаги округлым почерком было написано: «Опыт над передачей взрыва на расстоянии. Опыт 12-й. Для этого опыта необходимо добыть безводную синильную кислоту. Требуется поэтому величайшая осторожность, как при опыте с взрывом окиси углерода. Опыт 13-й: взрыв окиси углерода вместе с кислородом. Надо купить элементы Ленкланше и Румкорфову спираль. Опыт повторить здесь в большом помещении по отъезде семьи...»

В папке лежал также рисунок аппарата Филиппова, сделанный перед его разрушением. Понять что-либо из него было невозможно. Эх, вандалы...

Коллежский советник оформил изъятие документов и покинул Мойку, 12. До встречи с военными оставалось еще несколько часов. Он заперся в своем кабинете и потратил их на ознакомление с архивом.

Сыщику мало что удалось понять из научных трудов вперемешку с частными письмами. Труды были других авторов – видимо, редакционный портфель. Из корреспондентов чаще всего встречался некто Трачевский. В черновике письма, обращенном к нему, встретились любопытные слова: «Я могу воспроизвести пучком коротких волн всю силу взрыва. Взрывная волна полностью передается вдоль несущей электромагнитной волны и, таким образом, заряд динамита, взорванный в Москве, может передать свое воздействие в Константинополь. Проведенные мною эксперименты доказывают, что этот феномен можно вызвать на расстоянии в несколько тысяч километров. Применение такого оружия в революции приведет к тому, что народы восстанут, и войны сделаются совершенно невозможными». Опять Константинополь! Как в письме в газету. Дался ему этот город... А фраза о применении оружия в революции совсем не понравилась правоохранителю Лыкову. Похоже, подполковник Сазонов не ошибся: покойный думал о таком использовании своего изобретения! Думал или специально готовил для этой цели? И вместо загадочного треххлористого азота грозил уже динамитом.

Еще сыщика заинтересовала приписка в конце: «К этому немного подходили в Америке (Тесла), но совсем иным и неудачным путем». Что за Тесла? Это фамилия или географическое название? Надо срочно отыскать Трачевского и расспросить о Филиппове.

Несколько писем были на немецком и французском языках – сыщик отложил их для поручика Олтаржевского. Закончив с бумагами, он наскоро почаявничал, потому что времени на обед уже не оставалось, и отправился на Таврическую.

Конспиративная квартира Разведочного отделения состояла из нескольких больших комнат на пятом этаже доходного дома. Ротмистр Лавров встретил сыщика и показал ему помещение. Удобство его было в том, что имелось два черных выхода. Для секретных дел весьма кстати. В прихожей сидел человек, хорошо Лыкову знакомый, – отставной унтер-офицер Арзамасцев. Барон Таубе привез его с Сахалина и пристроил к операциям военной разведки.

– Здравствуйте, Платон Ануфриевич! Вы тоже теперь здесь?

– Так точно, Алексей Николаевич. Его превосходительство уступили его высокоблагородию господину ротмистру.

Сыщик усмехнулся. С тех пор как барон Витька стал генералом, Арзамасцев, прежде величавший его по имени-отчеству, теперь титуловал превосходительством. Военная косточка. Интересно, когда он, Лыков, выслужит действительного статского советника, тоже удостоится такой чести?

В канцелярии царила деловая обстановка. Сидели несколько мужчин в партикулярном платье, один из них печатал на пишущей машине. Вошел курьер, молча передал бумаги, взял расписку и так же молча удалился. В углу двое, по виду филеры, что-то обсуждали вполголоса. До Лыкова донеслись слова про австрийского военного агента князя Гогенлоэ. Увидев незнакомое лицо, агенты замолчали. Чувствовалось, что с дисциплиной у Лаврова все в порядке.

Таубе в последний момент вызвали на заседание Совета военного министра. Поэтому совещание на правах старшего в чине открыл Лыков:

– Господа, я переговорил с начальником Петербургского охранного отделения подполковником Сазоновым...

– Он не начальник, а лишь исправляющий должность, – тут же поправил его педант Лавров.

– Да, Владимир Николаевич, вы правы. С исправляющим должность. Но для скорости я продолжу называть его начальником. Подполковник в курсе дела. Его подчиненные наблюдали

за Филипповым, тот считался «красным». Знали они и о том, что ученый разрабатывает какое-то новое оружие. Это насторожило охранников, и они приставили к Филиппову внутреннего агента. Фамилию его меня просили не называть, но рапорты дали. Еще я забрал из отделения архив покойного. Он весьма незначителен, похоже, кто-то его перешерстил до них. Сазонов утверждает, что это невозможно. Они-де явились почти мгновенно, дверь была заперта изнутри, и замок сломали в их присутствии, следов обыска нет. Но в письме Шиммельмана утверждается другое. Как-то немцы обхитрили Сазонова и его людей.

Олтаржевский с Лавровым переглянулись и осуждающе покачали головами.

– Далее. Начальника отделения беспокоило, что его поднадзорный может передать свое изобретение революционерам. По словам Сазонова, тот был активным участником социал-демократической партии. И не задумаясь бы так поступил. Поэтому, когда Филиппов умер, охранное отделение сломало его аппарат и изъяло все бумаги. Ну, как они думали, все...

– Аппарат уничтожен? – опешил поручик. А ротмистр лишь крикнул и сказал:

– Вот и правильно. Беда только от подобных изобретений.

– Продолжаю. Я начал просматривать изъятые документы и в письме к некоему Трачевскому нашел прямой намек на такие планы доктора. Надо повидаться с ним. Похоже, это один из близких друзей Филиппова.

– Профессор Трачевский? Александр Семенович? – спросил поляк.

– Насчет ученого звания не знаю, но Александр Семенович.

– Это известный историк, – пояснил поручик. – Сейчас он без должности, в отставке. Читает публичные лекции в «Соляном городке». Вот только чем историк поможет в таком деле?

Лыков был обескуражен:

– Да, как раз лектора по истории нам и не хватало.

– Поговорить с ним все равно надо, – рассудительно заявил Лавров. – Если они были приятели, что-то профессор да знает.

– Разрешите мне, Алексей Николаевич, – предложил поручик. – У вас рапорты агента отнимут много времени, а я сижу без дела.

– Валяйте, – разрешил коллежский советник. – Заодно выясните вот что. В письме профессору Филиппов упомянул: в Америке создают нечто похожее, но идут другим путем, более дорогим. И написано в скобках: Тесла. То ли имя, то ли местность, а может, название компании.

– Тесла – это фамилия, – опять влез с объяснениями Олтаржевский. – Он очень известный ученый, занимается теми же короткими волнами, а еще электричеством. Серб по национальности. Некоторые считают его гением.

– Так, теперь у нас тут еще и американцы, – констатировал сыщик. – А только начали дознание. До чего же доберемся в конце?

– Заморский гений... – пробурчал ротмистр. – Идет неправильным путем, ишь ты. А наш доктор шел правильным? И, возможно, готов был подарить свой аппарат террористам?

– Расспросите Трачевского и про Теслу, – обратился к поляку сыщик. – И потом, если вы такой всезнайка, скажите мне вот что. В последней записи покойного есть упоминания о каких-то инструментах или оборудовании. – Он заглянул в выписки. – Румкорфова спираль и элементы Ленкланше. Неужто и их поясните?

– Румкорфова спираль – это преобразователь низкого постоянного напряжения в высокое переменное.

– Напряжения чего? – не понял коллежский советник.

– Электрического тока.

– Хм. А элементы?

– Элементы Ленкланше – не что иное, как электрические батареи. Первичный химический источник тока. Изобретение уже давнишнее, общеизвестное.

Лыков откашлялся и сказал:

– Мариан Ольгердович, берите весь архив, кроме донесений агентуры, и сделайте заключение о его содержимом. Будете у нас ученой головой, а то мы с Владимиром Николаевичем больше волкодавы, нам бы тащить и не пущать...

– Слушаюсь, господин коллежский советник.

– Будет вам, не на плацу. Алексей Николаевич я для вас.

– Слушаюсь.

– И еще. Когда я стану встречаться с людьми из науки, а с ними нам придется толковать часто, прошу вас находиться при мне.

– Буду к вашим услугам, Алексей Николаевич.

– Господа, мы только начинаем наше дознание, – Лыков строго посмотрел на офицеров. – Вопросов в сто раз больше, чем ответов. Но так всегда бывает. Пока я вижу пять главных вопросов, ими занимаемся в первую очередь.

Ротмистр с поручиком, как послушные ученики, взяли за карандаши.

– Первый: как все же немцы убили Филиппова? И столь ловко, что даже опытнейший Илиодор Платонович Решетников купился. Он двадцать лет в полиции, всякое повидал, поверьте мне. Тут загадка.

Второй: какие бумаги украли у покойного? Петербургское охранное отделение утверждает, что никаких. В письме германского морского агента говорится обратное.

Третий вопрос: кто исполнитель преступления? Немцам удалось, и это очевидно, подвести к доктору своего человека. Кто-то из вхожих в его дом – германский шпион. И он же убийца.

Четвертый вопрос: насколько близко Филиппов сошелся с террористами? Что он им пообещал? Не дай бог, аппарат попал бы в их руки. А если все-таки попал? Я не исключаю, что революционеры следили за опытами ученого так же пристально, как и немцы. Следили и ждали, когда он изготовит оружие, чтобы его применить. Их задача была легче, чем у немцев: тем приходилось действовать тайно, а боевики пользовались симпатией Филиппова.

Ну и пятый вопрос, самый главный. Вы понимаете, господа, что я имею в виду.

– Как не понять, – вздохнул Владимир Николаевич. – Что же в действительности изобрел сын титулярного советника?

Глава 4

Паутина вокруг доктора Филиппова

Целые сутки Лыков изучал донесения секретного сотрудника по кличке Химик. Он был подведен к Филиппову как корреспондент по экономическим вопросам. Отбывший ссылку марксист, основатель одного из первых социал-демократических кружков в Москве... Финн-Енотаевский не вызвал у редактора «Научного обозрения» подозрений, лишь желание помочь. Он жил на съемной квартире и сильно нуждался, а потому готов был писать много. И действительно, статьи Химик пек как блины и обладал бойким пером.

Видимо, редактора и его автора сблизило и общее образование. Финн окончил университет Святого Владимира в Киеве, причем физико-математический факультет. Двум естествоиспытателям было о чем поговорить. Освед быстро вошел в доверие к Филиппову, бывал у него дома и пару раз присутствовал на опытах. Рапорты об этом Лыков прочитал особенно внимательно, но мало что понял. Агент, хоть и окончил физмат, описывал опыты сумбурно. Видимо, он и сам не осознавал до конца их научный смысл. Передача энергии взрыва вдоль направленной электромагнитной волны... Волны ультракороткие, миллиметровые, ученый получал их с помощью искрового генератора. Один абзац Лыков выписал дословно, для поручика Олтаржевского: «Из двух цепей первая это высоковольтный источник энергии, высоковольтный конденсатор, искровой промежуток и первичная катушка. А вторая состоит из одной катушки, заземленной с одной стороны и с выходом с другой. За счет того, что катушки находятся в резонансе, при каждом разряде конденсатора и появлении тока в первичной катушке электрический ток возникает и во вторичной. При этом выходное напряжение может достигать значительных размеров». Алхимия какая-то, пусть ученая голова разбирается... Других технических подробностей рапорты не содержали. Освед делал из увиденного вывод: идея Филиппова весьма спорна. Передача энергии на большие расстояния невозможна без потерь. Потери эти пропорциональны квадрату расстояния. А как осуществлять наведение подрывного аппарата на цель, если она находится в том же Константинополе? Енотаевский предлагал начальству устроить внезапный обыск, конфисковать оборудование и бумаги с результатами опытов и сделать серьезную экспертизу идей Филиппова.

Ему отказали в этом и дали новое поручение: выяснить контакты ученого с революционными партиями. Конкретно начальство интересовало, встречается ли Филиппов тайно с анархистами и эсэрами. Понятно, две партии, более других склонные к терроризму. Осведомитель пытался разговаривать наблюдаемого – и потерпел неудачу. Филиппов сразу замыкался и менял тему разговора. Когда же собеседник пробовал настаивать, спросил в лоб: а зачем вам это знать? Вот охранка много бы дала за такие сведения. А что у вас, Александр Юльевич, за история была в Москве? Говорят, вы получили срок ссылки меньше других и вас подозревали в предательстве. Даже бойкот объявляли в Енотаевске. А когда вы приехали в Петербург, чтобы объединиться со здешними марксистами, вам отказали из-за недоверия. Было такое? Финн с трудом оправдался и больше опасных вопросов объекту не задавал.

Лыков сделал из донесений агента несколько важных выписок. Прежде всего стало ясно, какие именно бумаги исчезли из квартиры убитого. Финн упоминал три лабораторных журнала. Опыты велись с 1900 года, всего их состоялось – до роковой ночи – одиннадцать. И Филиппов был ими очень доволен. Последние два опыта планировались им как завершающие. Он получил результат! И проверил его в эксперименте. Все это было отражено в журналах, с цифрами, выкладками и доказательствами. Но журналы пропали.

Кроме того, изобретатель написал статью под претенциозным названием «Революция посредством науки, или Конец войнам». В ней он подробно описывал свое открытие.

Насколько подробно – вопрос оставался открытым: статья тоже исчезла. Настораживало слово «революция». Что имел в виду автор – новый шаг в науке и политике? Или народ на баррикадах и свержение существующего строя?

Далее сыщик выписал все имена, упомянутые осведом. Это были люди, вхожие к Филиппову, в той или иной степени ему близкие. Не исключено, что один из них и есть германский шпион. Чаще других Енотаевский называл три фамилии: Большаков, Грилюк и Разуваев. Он же дал им характеристики.

Всеволод Большаков – выпускник Петербургского университета, по профессии филолог. Тем не менее Финн назвал его ассистентом ученого! Как так? Зачем химику и физику Филиппову ассистент-филолог? Это было непонятно и требовало разъяснения.

Яков Грилюк вызывал еще большие подозрения. Недоучившийся студент, отовсюду выгнанный за участие в волнениях. Волнения – дело терпимое, кто только в них не участвовал. Но Грилюк пошел дальше. По сообщению осведомителя, он примкнул к анархистам, причем не к абы каким, а к самым страшным, к анархистам-безмотивникам. Перешел на нелегальное положение, ездил во Францию – не иначе как за опытом. И приставал к Филиппову, требуя помочь своим аппаратом угнетенному народу... Еще Финн-Енотаевский упоминал, что с головой у анархиста не в порядке. Это истерический тип, склонным к непродуманным авантюрным действиям. Ради спасения угнетенного народа готов на все.

Наибольший интерес у сыщика вызвал третий персонаж. Петр Разуваев характеризовался осведом как серьезный исследователь, ученик и настоящий ассистент Филиппова, его правая рука. Что же тогда делал Большаков, колбы мыл? Разуваев, по словам Финна, «единственный, кто досконально, в подробностях, знает идею Филиппова и разделяет его уверенность в реалистичности разрабатываемого оружия». Вот кого надо найти в первую очередь!

В рапортах мелькнул еще один интересный факт. Секретный сотрудник сообщил, что год назад Филиппов сменил название своего изобретения. Раньше он именовал его «волны смерти». Но съездил в Ригу и по возвращении стал говорить «лучи смерти». Опять всплывала Рига, наводненная германскими шпионами. К сожалению, нигде не упоминалось, какой именно завод помогал ученому в экспериментах. В городе их сотни, электротехнических – не меньше десятка. Но производственной базой для Филиппова мог быть и химический завод, и механический. Где искать?

Лыков отложил дело и задумался. Пять вопросов, и ни на один нет ответа. Требовать эксгумировать тело ученого? Решетников – опытный врач, он делал вскрытие. Явные следы убийства он бы заметил. Сейчас, после похорон, шансы найти их минимальны. Нет, не стоит беспокоить прах усопшего.

Надо прежде всего опросить тех, кто стоял ближе других к Филиппову. Это вдова, друг – профессор Трачевский – и те трое, кого упомянул в рапортах Финн-Енотаевский. Ну и, конечно, он сам, секретный осведомитель охранного отделения. С него и следует начать.

Коллежский советник телефонирует Сазонову и попросил его устроить встречу с агентом. Подполковник взял на это сутки. Опять хочет посоветоваться с начальством... Лыкову пришлось согласиться. В итоге он отправился на бывшую Малую Итальянскую беседовать со вдовой Филиппова.

Пятиэтажный доходный дом принадлежал вдове писателя Салтыкова-Щедрина. Узкий с фасада, он глубоко уходил во двор двумя крыльями. Краска на стенах облупилась, окна давно не мыты, дровяной сарай покосился. Настоящего надзора нет. Но и из такого жилища семье ученого скоро придется съезжать. По данным охранного отделения, единственный доход доктору натуральной философии давал журнал. Он оставался соучредителем «Научного обозрения» и еще получал в нем жалованье как редактор. Теперь судьба журнала под вопросом, жалованья не будет. У Любови Ивановны остались сын Леонид двенадцати лет и дочь Люба десяти

лет от роду. У дочери подозревают туберкулез, сейчас она находится на лечении в Ялте. А сама вдова на последнем месяце беременности. На что все они теперь будут жить?

Филипповы снимали квартиру на самом верхнем этаже. Дверь открыла прислуга. Сыщик назвал ее и попросил хозяйку. Вышла женщина лет сорока пяти, с усталым лицом и большим животом. Когда-то была красавица, подумал Лыков.

– Что вам угодно?

– Прошу меня простить, госпожа Филиппова. Понимаю, насколько это неприятно. Но я вынужден вас побеспокоить.

– Да кто вы?

– Коллежский советник Лыков из Департамента полиции.

– Опять? – Вдова закусила губу. – Когда же вы оставите нашу семью в покое? Его уж нет в живых, а вы все шпионите, шпионите...

– Дознание о смерти вашего мужа было проведено поверхностно. В порядке надзора это установила прокуратура, велено провести повторное изучение всех обстоятельств. Увы, таково распоряжение судебных властей. Мне поручено его исполнить.

Сыщик пристально смотрел на женщину и видел, что она его не понимает.

– Что поручено? Зачем повторное изучение? Опять вы будете мучить меня своими расспросами?

– Так надо, Любовь Ивановна. Чем быстрее мы все выясним, тем быстрее я уйду. Обещаю, что причиню вам минимальные неудобства.

Вдова смирилась. Она показала сыщику все комнаты, изложила обстоятельства того утра, когда муж не отпер дверь кабинета. Лыков внимательно изучил помещение бывшей лаборатории. Одно ее окно выходило на улицу Жуковского. Второе – на крыши Рождественских улиц, за ними виднелись серая Нева и постройки Большой Охты. По словам вдовы, оба окна были распахнуты настежь.

Женщина не сказала ничего нового. Да, замок ломали уже в присутствии полиции. Частный врач опоздал, и первый осмотр тела делал вызванный ею лекарь, живущий в их доме. Решетников потом высмеял его заключение... Никаких подозрительных звуков ночью она не слышала, все было тихо. Мог ли кто-нибудь ночью прийти к супругу в кабинет? Да, конечно. Он же ставил очередной опыт. Как правило, ему помогал в этом Разуваев. Петр Никодимович почти всегда приходил к началу эксперимента. Муж сам впускал его, и они работали чуть не до утра. Иногда, значительно реже, это делал Всеволод Большаков. Он хороший юноша, Михаил Михайлович был ему вместо учителя. Но Сева не химик и помогал в простых делах. При серьезном опыте Михаил Михайлович всегда вызывал Разуваева.

– Где мне найти Петра Никодимовича? – спросил коллежский советник. – Если вы правы и он был здесь в роковую ночь, то это свидетель. Вы сообщили полиции о своей догадке?

– Да, но ее не приняли во внимание.

– Почему же?

Любовь Ивановна вспыхнула:

– А это уж, господин сыщик, вы сами у них спросите!

– Хорошо, спрошу, – миролюбиво ответил Лыков. – А когда вы видели господина Разуваева в последний раз? На похоронах?

Тут вдова удивила коллежского советника:

– Он не явился на похороны.

– Как не явился? Почему? Правая рука, ассистент и ближайший помощник!

– Я сама до сих пор не понимаю. Увы, люди иногда разочаровывают. Считаешь их друзьями, а когда тебе плохо, их рядом не оказывается. Разве что...

– Слушаю вас.

– Вы же знаете, что супруг находился под надзором охраны.

– Да, находился. Именно поэтому после его смерти к вам пришли жандармы. Но при чем тут исчезновение Разуваева?

– Это только моя догадка, – пояснила женщина. – Петр Никодимович казался мне порядочным человеком. Да что такое! Он и сейчас кажется мне таким. И если скрылся, то, возможно, от испуга? Ваши жандармы его и напугали. Вцепятся, припишут политику. Вот Разуваев и решил где-то пересидеть опасное время.

– Припишут политику? Разве Михаил Михайлович занимался чем-то противоправным? Вдова смутилась. Она явно знала больше, чем говорила!

– Ну, была бы шея, а хомут найдется. Выслали же супруга из столицы три года назад. А он так и не понял, за какие грехи!

– Все он понял, Любовь Ивановна. И опыты, которые он проводил в этом кабинете, вовсе не рядовые. Ваш муж изобретал не абы что для улучшения народного быта, а новый способ убивать людей. Разве не так?

Филиппова воскликнула:

– Я мать и хозяйка, что я могу понимать в науке? И вообще, покиньте квартиру, мне плохо. Когда женщина в положении, ее так легко сбить, вынудить сказать что-нибудь себе во вред. Как вам не стыдно пользоваться этим?

Алексей Николаевич понял, что перегнул палку.

– Хорошо, я сейчас уйду. Последний вопрос: не осталось ли у вас работ Михаила Михайловича?

– Каких работ? Ваши все увезли. Ни единого листочка в доме не оставили.

– Я видел конфискованные бумаги, они неполны. Любовь Ивановна, давайте по-честному. Отдайте то, что вы спрятали от обыска, и я немедленно удалюсь.

Лицо женщины дрогнуло.

– Я бы отдала, ей-богу. Но бумаги унес на другой день Енотаевский.

– Это была статья?

– Да.

– «Революция посредством науки, или Конец войнам»?

– Да. Как вы догадались?

– Ваш муж упоминал о ней в письмах. Большая статья?

– Большая, подробная. С формулами!

– Зачем же вы отдали ее в чужие руки?

– Александр Юльевич попросил. Сказал, что снимет копию и отдаст. А так она вообще пропадет.

– Отдал?

– Нет. Стал меня избегать, на письма не отвечал. – Вдова покрылась пятнами от возмущения. – Я прижала его в конце концов, пригрозила, что расскажу все друзьям мужа. Тогда только Енотаевский сознался, что не может вернуть работу, он ее сжег.

– Как сжег? Взял на время чужую рукопись – и сжег?

– Именно. Он сказал, что обнаружил за собой слежку, испугался и сжег на всякий случай все опасные бумаги. В том числе и статью. Александр Юльевич тоже ведь пострадал от вашего строя. Был в ссылке, теперь его никуда не берут на службу.

Кроме как в охранное отделение, хотелось сказать сыщику. Но говорить так, конечно, было нельзя.

Лыков вежливо простился и поехал на Введенскую улицу. Там в новом доходном доме помещалась явка петербургской охранки. Гости внимательно осмотрели на входе сначала дворник, потом швейцар. Последний передал сыщика с рук на руки молчаливому коридорному. И уже тот ввел Алексея Николаевича в квартиру номер семь.

Окна явки выходили на пустырь, в комнатах царила полутьма. Конспирация, усмехнулся Лыков. Подполковник Сазонов запаздывал, и гостя минут пять продержали в кухне. Наконец хлопнула дверь, и начальник отделения почти вбежал в комнату. В руках у него был кожаный портфель.

– Прошу простить, служба!

– У Сергея Васильевича задержались? – предположил Лыков.

Жандарм смутился:

– Ну, начальство есть начальство...

– Инструкции получили?

– Э-э...

– Будет вам, Яков Григорьевич. Получили и правильно сделали. Зубатов плохого не посоветует. Где ваш человек?

– Ждет в гостиной.

– Идемте к нему.

Финн-Енотаевский с напряженным лицом застыл посреди комнаты. Увидев начальство, он жалко заулыбался. Осведомитель нервничал. По обычаю, ни среди жандармов, ни среди полиции не принято раскрывать своих секретных агентов. Тут, конечно, исключительный случай: чиновник особых поручений, да с открытым листом... Но все равно ситуация была чрезвычайной.

– Здравствуйте, Химик, – протянул собеседнику руку коллежский советник. Тот пожал ее, и обстановка чуть разрядилась. Но ненадолго. Едва все сели, сыщик жестко спросил:

– Где статья, что вы забрали у вдовы Филиппова?

Подполковник нахмурился:

– Какая еще статья?

– Программная, в которой ученый объяснял свое изобретение. Называется «Революция посредством науки, или Конец войнам».

– Не слышал о такой.

– Я только что разговаривал со вдовой. Она заявила, что на следующий день после смерти мужа к ней пришел Финн-Енотаевский и выпросил эту работу на день-два.

– Зачем?

– Чтобы снять копию, а потом вернуть, – пояснил жандарму сыщик.

– Ну и что?

– Он ее не вернул. Вот я и спрашиваю в вашем присутствии: господин Енотаевский, где статья?

Лицо Сазонова стало наливаясь кровью.

– Присоединяюсь к вопросу господина коллежского советника. Поясните также, почему я узнаю об этом не от вас?

– Ваше высокоблагородие, я же докладывал! Вы изволили забыть. Указанную статью я принес вам в тот же вечер. И вы присоединили ее к прочим... когда сжигали.

Теперь пришла очередь Лыкова краснеть от гнева.

– Что сжигали?

– Алексей Николаич, я как раз собирался пояснить, – всплеснул руками подполковник. – Взрывной аппарат Филиппова мы сломали, о чем вам уже известно...

– Помню про это самоуправство.

– Вот. И бумаги все окаянные мы тоже истребили. Сожгли их в печке, в моем кабинете. Оставили немного для виду, те, что я вам отдал, а остальные спалили. Вот акт, ознакомьтесь.

Жандарм вынул из портфеля документ и протянул его собеседнику.

Лыков читал и не верил своим глазам. Все чин по чину: акт о сожжении бумаг, конфискованных у покойного М. М. Филиппова. Общим счетом три стопки, вес один пуд два с полови-

ной фунта. Подписали ОКЖ подполковник Сазонов и ОКЖ ротмистр Герарди. Дата – 16 июня 1903 года, кабинет начальника Санкт-Петербургского отделения по охранению общественной безопасности и порядка. В перечне – три лабораторных журнала, статьи с формулами и расчетами, научная переписка на разных языках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.